K44 1/203

КЧЧ №49249
XV-№57
Г3/16

„Oh, Belgique! Oh, mére chérie“!
(„О, Бельгія! О, нѣжно любимая мать!“
Начальныя слова бельг. нац. гимна).

Поль Гамеліусъ,

ПРОФЕССОРЪ ЛЬЕЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

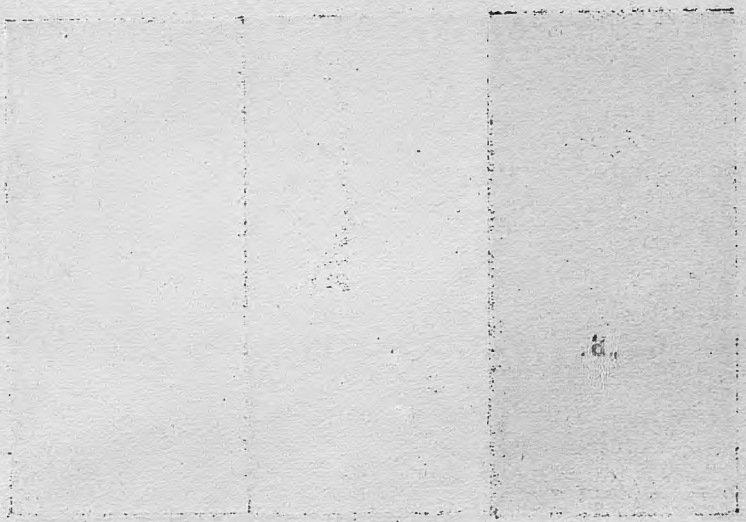
ОСАДА ЛЬЕЖА.

(Впечатлѣнія очевидца).

Переводъ съ англійскаго.

Издательство „Библіотека Великой Войны“.
ПЕТРОГРАДЪ. 1914.

30% чистой прибыли отъ этого изданія поступаютъ въ пользу бельгійцевъ пострадавшихъ отъ германскаго нашествія.



8144 1/203

нов

„Oh, Belgique! Oh, mère chèrie“!
(„О Бельгія! О нѣжно любимая мать!“
Начальныя слова бельг. нац. гимна).

Поль Гамеліусъ,
профессоръ Льежскаго университета.

ОСАДА ЛЬЕЖА.

(Впечатлѣнія очевидца).

Переводъ съ англійскаго.

3062/3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Библіотека Великой Войны“.
Петроградъ. 1914.

30% чистой прибыли отъ этого изданія поступаютъ въ пользу бельгійцевъ, пострадавшихъ отъ германскаго нашествія.

ТИПОГРАФІЯ
„ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“
ПЕТРОГРАДЪ, ПРАЧЕШНЫЙ ПЕР., 4.

БИБЛІОТЕКА Г. И. М.
№ 471
8-I 1931 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составленіе очерка, въ родѣ настоящаго, очень затруднительно не потому, что нѣкоторыя истины, какъ напр. трусость многихъ мужчинъ и женщинъ, не могли бы быть точно установлены; вѣдь можно установить факты, не касаясь личностей. Существенное затрудненіе состоитъ въ томъ, что цѣнность имѣютъ лишь отдѣльные факты и что поступки и слова человѣка не заслуживали бы вниманія, если бы его взгляды и характеръ не обнаруживались въ его поведеніи и мнѣніяхъ. Я постараюсь обойти это затрудненіе, пользуясь иниціалами и другими средствами, дающими возможность индивидуализировать факты, не касаясь личностей.

Тотъ, чьи переживанія были для меня наиболѣе цѣнными,—музыкантъ, державшій ружье на плечѣ, какъ настоящій артистъ и мужчина, стоявшій ночью на часахъ надъ спавшимъ гарнизономъ крѣпости,—осушившій до дна всю чашу военныхъ треволненій, поднесенную судьбою всѣмъ, кто только желалъ отъ нея отпить. Трагическая судьба заставила его смотрѣть, какъ летали гранаты надъ городомъ, наблюдать ночныя атаки германцевъ, наступавшихъ церемоніальнымъ мар-

щемъ на бельгійскіе форты и внезапно стираемыхъ съ лица земли однимъ единственнымъ залпомъ. Этого я самъ не видалъ, но могу передать съ его словъ.

Читатель, быть можетъ, будетъ роптать, что я лично не сдѣлалъ ничего, о чемъ стоило бы разсказывать, и такъ много толковалъ со всѣми профессорами, юристами, слугами и сосѣдями. Но только этимъ путемъ англійскій читатель сможетъ понять психологію осажденнаго города, если только онъ не дождется германскаго нашествія на Англію, чтобы испытать все на личномъ опытѣ.

Я еще могу добавить, что внѣшнія обстоятельства вынудили меня написать это повѣствованіе, имѣющее право на вниманіе лишь благодаря своей искренности, и я надѣюсь въ моихъ будущихъ статьяхъ, если таковыя появятся, ограничиться своею спеціальностью по исторіи литературы, единственному предмету, по котому я до сихъ поръ что-либо печаталъ.

Я не могу принять отвѣтственность за прилагаемый планъ Льежа.

Августъ 1914 г.
Лондонъ.

ГЛАВА I.

Положеніе страны.

Года два тому назадъ мы съ пріятелемъ гуляли около дома, гдѣ я жилъ теперь во время недавней осады и бомбардировки, на живописномъ холмѣ Куэнтъ; мы смотрѣли внизъ на желѣзнодорожный мостъ у Валь-Бенуа, по которому шло все движеніе между Кельномъ и Парижемъ,—свистящіе локомотивы, жужжащія колеса сосѣднихъ каменноугольныхъ копей, гремящія телѣги, паръ и дымъ, подымающіеся отъ города, заводовъ и фабрикъ—такова была картина передъ нашими глазами.

„Какое идеальное поле сраженія для современныхъ армій!“ вдругъ замѣтилъ мой пріятель. „Широкая рѣка, съ грузами пшеницы и лѣса, желѣзная дорога вдоль обоихъ береговъ, идущая съ юго-востока на сѣверо-западъ, пересѣкаемая главной линіей, ведущей съ востока на западъ, изъ Германіи въ Брюссель, паровая конка и всякія промышленныя предпріятія, необходимыя для современной войны, сталелитейные и желѣзопрокатные заводы, каменноугольныя копи, оружейные заводы и заводы взрывчатыхъ веществъ,—все необходимое для ремонта и продовольствія“.

Мнѣ никогда не приходила въ голову мысль, что современная война можетъ потребовать и использовать все то, что было изобрѣтено для увеличенія комфорта, и что всѣ средства передвиженія, производства и обмѣна могутъ быть обращены въ орудія разрушенія человѣческой жизни. — Какъ и большинство изъ насъ, я представлялъ себѣ войну чѣмъ то стоящимъ внѣ связи съ современной промышленностью.

Опытъ 1914 года опровергъ пророчество моего друга, такъ какъ ни одно изъ указанныхъ средствъ не было въ дѣйствительности использовано арміями на полѣ сраженія, за исключеніемъ путей сообщенія,— желѣзныхъ дорогъ, грузовыхъ и обыкновенныхъ автомобилей. Во время сраженія, на рѣкѣ все замирало, ни одно судно не двигалось, всѣ барки стояли на якорѣ у лѣваго бельгійскаго берега изъ опасенія, чтобы германцы не воспользовались ими для понтонныхъ мостовъ. Дороги оживлялись автомобилями со штабными офицерами и курьерами, а немного подальше желѣзныя дороги перебрасывали людей и продовольственные запасы къ мѣсту назначенія. Каменноугольныя копи были лишены рабочихъ, которые всѣ были заняты сооруженіями траншей вокругъ фортовъ. Заводы тоже лишились своихъ рабочихъ, такъ какъ они были призваны въ войска и въ милицію, а изъ оставшихся, болѣе молодые отправились волонтерами. Напомнимъ, что бельгійскіе рабочіе живутъ по деревнямъ и отправляются по желѣзной дорогѣ на всю недѣлю на свои заводы и фабрики и въ шахты. Слухи о войнѣ перебросили

большинство изъ нихъ обратно въ родныя деревни и городъ лишился своего мужского населенія.

Такимъ образомъ, военныя операціи заключались, какъ я до сихъ поръ представлялъ себѣ, въ переходахъ, осадѣ и защитѣ фортовъ и траншей тѣми способами, которые большинству изъ насъ извѣстны изъ книгъ.

Топографія мѣстности весьма проста, и въ ней можно легко разобраться, взглянувъ на карту. Глубокое и широкое ущелье долины Мааса служитъ рѣзкой границей между двумя плоскогорьями различнаго типа. Дорога изъ Аахена идетъ среди скалистыхъ безплодныхъ холмовъ, частью лѣсистыхъ, частью прорѣзанныхъ быстрыми, холодными и прозрачными горными потоками, изъ которыхъ главный Уртъ и его притокъ Ведръ, текущій къ западу отъ германской границы параллельно желѣзной дорогѣ изъ Германіи. Эта область очень холмиста, мало доступна и легко можетъ быть защищена при стычкахъ. Она хорошо извѣстна нашимъ офицерамъ и солдатамъ, которые были недавно на маневрахъ въ этой мѣстности.

Другой путь изъ Германіи ведетъ черезъ болѣе доступную, низменную мѣстность приблизительно въ десяти миляхъ къ сѣверу отъ Льежа, черезъ маленькій пограничный городъ Визэ, лежащій около голландской границы, въ той части, долина Мааса гдѣ она расширяется, прежде чѣмъ рѣка теряется въ равнинахъ Голландіи. Здѣсь нѣтъ желѣзной дороги, но германцы, какъ говорятъ, давно ее проектировали и провели ее тотчасъ, какъ только вспыхнула война. Я не могу лично подтвердить это. Описанная мѣст-

ность извѣстна туристамъ, какъ красивая и живописная, если смотрѣть на холмы снизу, съ дорожекъ и тропинокъ на откосахъ. Многіе любители этого пейзажа предпочитаютъ любоваться имъ съ высокихъ пунктовъ и слѣдить за широкими размашистыми линіями обширныхъ холмовъ, какъ они спускаются къ рѣчному руслу или подымаются къ высокимъ плоскогорьямъ германской границы, вблизи Аахена. Путеводители и иностранцы обыкновенно называютъ ихъ поэтическимъ именемъ Арденнъ, которое на языкѣ нашихъ земледѣльцевъ и географовъ имѣетъ болѣе узкое и болѣе опредѣленное значеніе.

Таковы были оба пути германскаго наступленія, которые такъ упорно защищались нашими бельгійскими солдатами. Между этими хорошо орошенными холмами Арденнъ и западной равниной, которая будетъ описана далѣе, долина Мааса, поворачиваетъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку, и начало ея образовано плоской наносной почвой, а крупные скалистые откосы покрыты рѣдкимъ дубовымъ и буковымъ лѣсомъ. Но во многихъ мѣстахъ естественный характеръ мѣстности измѣненъ промышленными предпріятіями человѣка, который воздвигъ огромные заводы и фабрики, преимущественно сталелитейные и желѣзодѣлательные заводы тамъ, гдѣ прежде были болота и луга,—который накопилъ на откосахъ холмовъ груды шлака и щебня отъ заводовъ и шахтъ Такимъ образомъ часть почвы исчезла подъ черными слоями разныхъ остатковъ, между тѣмъ, какъ другая часть прорѣзана желѣзными дорогами и мостами или занята каменноугольными шахтами или большими, бѣдными на видъ, покрытыми сажей, де-

ревнями съ постройками изъ кирпичей, гдѣ живутъ мѣстные рабочіе. Даже небо окрашено въ цвѣтъ сажи и дыма, громадныя фабричныя трубы выбрасывают массы плотнаго чернаго дыма, и вѣтеръ подымаетъ черную, всюду проникающую пыль. Центръ этого производства мусора и дивидендовъ—Серэнъ, городъ стали и рудниковъ, гдѣ произошло нѣсколько стычекъ въ самомъ началѣ войны.

Далѣе къ югу и сѣверу, подальше отъ Льежа, мѣстность еще выглядитъ зеленой и свѣжей и является излюбленнымъ мѣстомъ воскреснаго отдыха, хотя до нѣкоторой степени она уже испорчена виллами и отелями, не гармонирующими съ пейзажемъ. Желѣзныя дороги въ этой дѣловой и богатой долинѣ ведутъ къ Намюру, гдѣ онѣ развѣтвляются, при переходѣ во Францію, вдоль теченія двухъ рѣкъ,— Мааса, текущаго отъ Живе и Динона, и Самбры протекающей черезъ Шарльруа. Здѣсь чувствуется близость Парижа, и когда однажды германскій солдатъ, не знавшій мѣстности, спросилъ меня о разстояніи отъ Парижа, я могъ отвѣтить ему: „пять часовъ въ скоромъ поѣздѣ; уходитъ въ семь, приходитъ въ двѣнадцать“. Имъ понадобилось больше времени!

За долиной Мааса, плоскогорія на западномъ берегу, простирающіяся въ монотонномъ, однообразіи до Лувена на протяженіи почти пятидесяти миль, указываютъ линію бельгійскаго отступленія. Здѣсь находится волнистая равнина, покрытая пшеницей и свеклой, безъ широкихъ рѣкъ, безъ скалъ и лѣсовъ, удобная для открытыхъ сраженій, но которая была, повидимому, мало использована для военныхъ дѣйствій.

Бо́льшая часть стычекъ происходила на холмахъ Арденнъ и въ сѣверной части долины.

Говорили, что первая большая битва ожидается близъ Варемма, посреди глинистой равнины у Эсбэ, но въ газетахъ не было сообщенія объ этой битвѣ; днемъ 12 августа, когда я увидѣлъ часть бельгійской полевой арміи съ рядомъ автомобилей и телѣжекъ всѣхъ видовъ и цвѣтовъ, она стояла у Тирлемона, причемъ надъ ней летали аэропланы.

Третьей возможной боевой линіей была самая долина Мааса, сравнительно легко доступная для германцевъ съ сѣвера или со стороны Голландіи, и ея пути и желѣзныя дороги, ведущія къ юго-востоку по направленію къ городу Намюру, къ мѣсту слія́нія Мааса и Самбры. Повидимому, никто не пошелъ по этой дорогѣ, вѣроятно, потому, что она съ обоихъ концовъ была заперта сильными крѣпостями,—Льежемъ и Намюромъ. Но по ней не разъ ходили германцы въ различныхъ мѣстахъ, спускаясь съ восточныхъ холмовъ и переходя рѣку, однако не вступая на открытыя для обстрѣла дороги въ самомъ ихъ началѣ.

Послѣ того какъ они вошли въ Льежъ, пока ихъ шансы удержать его казались весьма сомнительными для насъ, неосвѣдомленныхъ штатскихъ, они, очевидно, предполагали, что отрядъ, идущій вдоль береговъ рѣки, можетъ попытаться ихъ вытѣснить; потому они приняли всѣ мѣры къ защитѣ себя отъ атакъ, которыя могли быть предприняты со стороны верхняго теченія рѣки. Мостъ у Валь-Бенуа они укрѣпили съ помощью плавучаго сооруженія изъ двухъ баржъ, стоящихъ на якорѣ и соединенныхъ при посредствѣ цѣлаго ряда крѣпкихъ балокъ съ обоими

берегами. Доступъ къ самому мосту они закрыли проволочнымъ загражденіемъ, которое, повидимому, ни разу не понадобилось, такъ какъ ни одной попытки произвести наступленіе вдоль береговъ не было сдѣлано. Въ части холма, окружающей мой садъ и господствующей надъ рѣкой со стороны сѣверозапада, они вырыли траншеи для своихъ скорострѣльныхъ пушекъ и устанавливали орудія. Они срубили нѣсколько большихъ деревьевъ, но пощадили подлѣсокъ, защищавшій ихъ батареи отъ наблюденія. На нашей дорогѣ происходила настоящая торговля оружіемъ, аммуниціей, похлебкой, хлѣбомъ и колбасой. Мы обычно обращались къ унтеръ-офицерамъ: „Ну, что же, опять придется ночевать эту ночь въ подвалахъ?“ „Нѣтъ, еще рано“. Солдаты подходили къ нашимъ садамъ за водой и кофе, и одинъ изъ офицеровъ выразилъ надежду, что бельгійцы ихъ не будутъ атаковать изъ опасенія погубить жизнь и имущество своихъ согражданъ. Пусть читатель не представляетъ себѣ сценъ ужаса и страха; солдаты и граждане смѣялись надъ собственными попытками вести разговоръ на разныхъ языкахъ, а наши деревья мѣрно качались надъ ними.

Въ концѣ концовъ изъ предполагавшагося наступленія ничего не вышло; я покинулъ Льежъ, когда все еще было тихо въ траншеяхъ и на батареяхъ.

ГЛАВА II.

Народъ.

Настроеніе бельгійцевъ во время кризиса не будетъ понятнымъ, если не познакомиться съ ихъ національнымъ прошлымъ и свойствами ихъ ума.

Пусть читатель представитъ себѣ, какъ маленькая нація съ семью милліонами душъ, изъ коихъ почти каждый третій здоровый юноша призванъ на войну, живущая въ открытой, отовсюду доступной мѣстности, безъ естественныхъ границъ, безъ военныхъ традицій и военнаго честолюбія, подвергается нашествію самой могущественной въ мірѣ военной державы, побѣдительницы 1870 года; она приняла вызовъ безъ колебаній, хоть и знала, что родина должна подвергнуться опустошенію и разрушенію, даже если надѣяться на конечный успѣхъ. Напомнимъ, что германская дипломатія явилась съ предложеніемъ финансовыхъ выгодъ и благожелательнаго обращенія въ случаѣ нашего согласія и что все же въ странѣ не раздалось ни одного голоса въ пользу подчиненія германскимъ требованіямъ. Мы не сомнѣвались относительно участи, насъ ожидавшей, однако, всѣ единодушно рѣшили: лучше война, чѣмъ рабство.

Безъ сомнѣнія, самые разсудительные изъ насъ

знали, что мы находимся между Сциллой и Харибдой и что угождать Германіи,—значитъ навлечь на себя войну съ Англіей и Франціей. Но я не думаю, чтобы эти утилитарныя соображенія вліяли на умъ и совѣсть націи, такъ какъ германскія требованія были столь грубы и вызывающи, а ихъ предложеніе денежной компенсаціи столь оскорбительно, что мимолетное колебаніе смѣнилось твердымъ рѣшеніемъ. „Къ чему тратить такъ много денегъ на шпіоновъ, и все-таки такъ плохо знать насъ?“, удачно замѣтилъ мой пріятель.

Нація твердо держалась этого рѣшенія съ единодушіемъ, несвойственнымъ народу, раздираемому партійными раздорами, говорящему на различныхъ нарѣчіяхъ, и къ тому же не обладающему единствомъ расы. Вѣдь у насъ, бельгійцевъ, такъ мало внѣшнихъ признаковъ національнаго единства. Мы держимся вмѣстѣ по традиціи и, вѣроятно, скорѣе всего благодаря нашей общей глубокой любви къ свободѣ,—не столько къ отвлеченной свободѣ, для которой мы не достаточно идеалисты, — сколько къ привычкѣ поступать такъ, какъ намъ угодно, высказываться и дѣйствовать безъ всякаго чувства стѣсненія. Классовое чувство не такъ рѣзко насъ раздѣляетъ: бѣдный не раболѣпствуетъ, а отъ него и не ждутъ раболѣпства. Пусть наша частная жизнь немного страдаетъ отъ этихъ обычаевъ, зато наша общественность даетъ просторъ проявленію высокихъ чувствъ, предоставляя нашимъ гражданамъ такую свободу сужденія и рѣчи, которыя поразили бы многихъ иностранцевъ.

Едва ли можно ожидать, что все это могло вос-

питать вкусъ къ германской дисциплинѣ и германскимъ пріемамъ; наши традиціонныя симпатіи несомнѣнно на сторонѣ французовъ, хотя онѣ не настолько сильны, чтобы ослѣпить наше національное сознаніе. Такъ, большинство изъ насъ говоритъ по-французски, часто съ провинціальнымъ выговоромъ и мѣстными оборотами рѣчи, многіе знаютъ нѣмецкій языкъ, кое-кто—англійскій, между тѣмъ какъ родной языкъ большей части нашего народа, т.-е. той именно части которая живетъ на сѣверѣ и западѣ страны, вдоль берега моря и голландской границы,—фламандскій, тевтонское нарѣчіе, въ сущности тожественное съ голландскимъ.

Почти всеобщую антипатію къ Германіи среди образованнаго обезпеченнаго класса часто смягчаетъ уваженіе къ ея организаціи и ея мощи, а также преклоненіе предъ силой. Никто изъ насъ не могъ такъ легко относиться къ грядущимъ событіямъ, какъ это могли бы сдѣлать англичане, находясь въ безопасности на своихъ островахъ. Хотя страхъ, который маленькій народъ могъ бы испытывать при нашествіи могущественнаго сосѣда, былъ бы вполнѣ законенъ, все же среди насъ не раздалось ни одного трусливаго голоса. Никто не рѣшался даже намекнуть, что наше правительство могло или должно было бы согласиться пропустить нѣмецкія войска. Никто не порицалъ короля за то, что онъ обратился къ поддержкѣ соціалистовъ и назначилъ Вандервельде, ихъ лидера, государственнымъ министромъ. Такъ какъ это назначеніе можетъ быть ошибочно истолковано, слѣдуетъ указать, что государственный министръ въ Бельгіи не принадлежитъ къ кабинету и не обле-

ченъ дѣйствительной властью. Онъ является лишь выдающимся политикомъ, съ которымъ король (а его власть также строго ограничена конституціей) можетъ оффиціально совѣщаться въ важныхъ случаяхъ.

Слѣдуетъ помнить, что наша страна управлялась въ теченіе двадцати шести лѣтъ сильной клерикальной консервативной партіей и что антицерковная политика французской республики вызвала чувства горечи и гнѣва среди многихъ нашихъ соотечественниковъ. Пораженіе Франціи въ настоящее время они, навѣрное, сочли бы испытаніемъ и предостереженіемъ со стороны Провидѣнія за то, что она пошла противъ католической церкви.

Такъ какъ предметомъ этой книги служитъ Льежъ и его роль въ настоящихъ событіяхъ, то необходимо упомянуть о фламандцахъ сѣверо-западной Бельгіи и объ ихъ отношеніи къ Германіи. Часть бельгійцевъ, говорящихъ по-французски и тяготѣющихъ къ Франціи, всегда обвиняла своихъ соотечественниковъ, говорящихъ по-голландски, въ чрезмѣрномъ благоволеніи къ Германіи; ихъ даже называли агентами и проводниками идеи пангерманизма. Также смотрѣли на фламандцевъ и тѣ германцы, которые мечтали о возстановленіи Священной Имперіи Средневѣковья, охватывающей Нидерланды такъ же какъ и другія области, входящія нынѣ въ составъ различныхъ государствъ. Сами фламандцы совершенно неповинны въ подобныхъ планахъ, хотя нѣкоторые изъ ихъ руководителей при случаѣ и требовали большей независимости отъ Франціи и болѣе тѣснаго союза со своими тевтонскими родичами.

Но препятствіемъ къ этому союзу будетъ всегда

служить невозможность примирить бельгійскій темпераментъ съ идеей дисциплины, на которой покоится могущество прусской арміи. Если государство допуститъ утвержденіе личной свободы, его поразительная сила должна пострадать. Если же государство будетъ сохранять всю дѣйственную мощь своего вліянія, тогда неизбѣженъ бунтъ. Такъ и случилось сорокъ лѣтъ тому назадъ съ Эльзасцами и Лотарингцами, германцами по языку и по своему прошлому. Очевидно, нѣтъ выхода изъ этой дилеммы, которая будетъ всегда мѣшать дружбѣ между тевтонами въ нашемъ государствѣ и внѣ его.

ГЛАВА III.

Положеніе Льежа и его фортовъ.

То, что сказано въ первой главѣ о контрастѣ между глубокой бороздой долины Мааса и обширными плоскогорьями къ востоку и западу отъ нея, относится также и къ узкому углу, гдѣ лежитъ городъ Льежъ и его форты. Самый городъ расположенъ у подножья холмовъ; его восточная часть занимаетъ долину, тогда какъ юго-западная упирается въ плоскогорье, образующее здѣсь отвѣсныя улицы и уступы, что́ дѣлаетъ Льежъ однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Европы.

Самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакого военнаго значенія, ни какихъ-либо оборонительныхъ сооруженій. Стѣны стараго города являются лишь памятниками старины; не сохранилось даже слѣдовъ воротъ или рвовъ. Во время оно существовали два старыхъ форта близъ центра города, на двухъ гребняхъ выступающихъ надъ городомъ съ востока и съ запада. Меньшій изъ нихъ былъ расположенъ въ Цитадели, часть его площади обращена въ общественный скверъ, гдѣ разрушенные остатки укрѣпленій и кирпичныхъ сооруженій начала девятнадцатаго столѣтія доселе молчаливо свидѣтельствуютъ о безкровномъ военномъ

прошломъ. Туристамъ этотъ фортъ извѣстенъ, вѣроятно какъ point de vue, отмѣченный звѣздочкой у Бедекера; отсюда хорошо видны мосты и купола Льежа въ прозрачной сѣроватой или голубоватой дымкѣ. Восточный фортъ, Ла-Шартрезъ, является также старой постройкой, расположенной на холмѣ, на другой сторонѣ долины и обращенной къ Цитадели; фортъ этотъ находится въ менѣе оживленной части города. Г. Беллокъ, въ своемъ описаніи кольцеобразной крѣпости Льежа, даже не упоминаетъ этихъ двухъ центральныхъ фортовъ (къ его описанію мы еще вернемся); повидимому, оба они не играли никакой роли въ послѣднихъ событіяхъ.

Самый городъ несомнѣнно одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, съ явнымъ церковнымъ отпечаткомъ; уже число и разнообразіе его старыхъ церквей, частью романскаго, частью готическаго стиля, съ остатками монастырскихъ сооруженій, напоминаютъ туристу столицы прежнихъ духовныхъ княжествъ Германіи. Мѣстами сохранились красивые частные дома на улицахъ, избѣгнувшихъ модернизаціи.

Такихъ домовъ случайный посѣтитель увидитъ немного, ходя по банальнымъ прямымъ улицамъ новаго города, возникшаго за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ между желѣзнодорожной станціей и старымъ центромъ. Но онъ можетъ еще любоваться зелеными, цвѣтущими скверами и аллеями, лежащими по берегамъ рѣки, близъ новыхъ мостовъ, по периферіи самой людной части города.

Эти аллеи и скверы впослѣдствіи наводнялись попеременно бельгійскими и германскими пушками и товарными вагонами; они имѣли возможность

видѣть смотры военныхъ автомобилей и конныхъ повозокъ, прохожденіе полковъ маршируюшихъ взадъ и впередъ, а также военноплѣнныхъ обѣихъ сторонъ. Улицы были изрыты траншеями для вражескихъ скорострѣльныхъ орудій, предназначавшихся для бомбардировки города, и воспоминанія о дняхъ печали и несчастья будутъ постоянно связаны съ ихъ деревьями и лужайками.

Болѣе узкіе рукава рѣки, изображаемые на планахъ прошлыхъ столѣтій, всѣ были засыпаны одинъ за другимъ, при чемъ остались только названія: „île“, „pont“ и „quai“ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже нѣтъ ни острововъ, ни моста, ни набережной. Нынѣ городъ пересѣкается двумя длинными водными путями, изъ которыхъ одинъ, большій, Маасъ, весьма напоминающій Сену въ Парижѣ, съ ея низкими берегами, гдѣ грузятся и разгружаются баржи, тогда какъ высокіе берега обсажены деревьями и служатъ для прогулокъ.

Другой, меньшій водный путь принимаетъ въ себя избытокъ водъ Урта и называется поэтому „la dérivation“.

Изъ всѣхъ этихъ достопримѣчательностей Льежа въ настоящей войнѣ играли нѣкоторую роль лишь мосты и Цитадель. Важнѣе всего для германцевъ были мосты, такъ какъ они поддерживали связь между берегами восточнымъ, германскимъ, и западнымъ, ведущимъ въ Брюссель и Парижъ. Поэтому намъ кажется страннымъ, что бельгійцы не разрушили ихъ при отступленіи. Только одинъ былъ, повидимому, слегка ими взорванъ и затѣмъ, конечно,

исправленъ германцами; остальные не были разрушены или во всякомъ случаѣ оказались, цѣлы.

Единственный не пострадавшій желѣзнодорожный мостъ у Валь-Бенуа не могъ быть использованъ, пока я былъ въ Льежѣ, вслѣдствіе того, что тунели и мостъ, ведущіе къ нему изъ Германіи были закрыты и разрушены, и безъ сомнѣнія также потому, что огонь фортовъ сразу же пріостановилъ всякое желѣзнодорожное движеніе.

Сообразно обычаямъ войны, весьма несимпатичнымъ для штатскаго ума, каменный мостъ Бовери былъ обезпеченъ отъ бельгійскихъ гранатъ тѣмъ, что на середину его помѣстили подвижную повозку съ плѣнными бельгійцами, жизнь которыхъ служила гарантіей сохранности моста. Чтобы не было сомнѣній повозка была выкрашена въ наши національные цвѣта: черный, желтый и красный.

Цитадель также сыграла активную роль при занятіи города германцами; нѣсколько пушекъ, служившихъ для двукратной бомбардироки города, были расположены на ней.

Описаніе осады Льежа было бы неполнымъ, если бы мы не упомянули о длинной желѣзнодорожной дамбѣ, называемой „le Plan incliné“, съ очень крутымъ спускомъ. Дамба начинается у главной станціи Гильменъ и идетъ вверхъ по одной сторонѣ города на подобіе гигантской стѣны, пересѣченной нѣсколькими сводчатыми ходами. По этимъ ходамъ тянутся на востокъ и западъ дороги, похожія на входы въ старыя крѣпости. Послѣ занятія города, нѣмцы, готовясь къ отраженію атаки извнѣ,—которая такъ и не произошла,—могли и желали вести атаку съ на-

ружной стороны, чего на самомъ дѣлѣ не было,— превратили эту дамбу моста въ одну изъ главныхъ оборонительныхъ линій, поставивъ часовыхъ наверху и закрывъ внизу проходы посредствомъ баррикадъ. Чертежъ одной изъ нихъ былъ опубликованъ въ Англіи. Этотъ скатъ такъ крутъ, что раньше поѣзда подымались вверхъ и спускались внизъ посредствомъ каната, пока онъ не оборвался и поѣздъ не скатился на станцію, причинивъ большія поврежденія. Теперь подъемъ совершается посредствомъ двухъ сильныхъ локомотивовъ, тянущихъ вагоны на холмъ, а спускъ ихъ производится съ помощью небольшихъ вагончиковъ, спеціально приспособленныхъ для перевозки сильныхъ тормазовъ.

Путешественники, направлявшіеся изъ Кельна въ Англію, могли замѣтить необычайную форму этихъ вагоновъ съ тормазами на станціи Ансѣ, ниже форта Лонсена, гдѣ покатость достигаетъ вершины плоскогорія; тамъ же, гдѣ дорога, ведущая въ Брюссель, идетъ почти горизонтально, можно обойтись безъ этихъ мощныхъ тормазовъ.

Передъ тѣмъ, какъ надъ нами разразился недавній ураганъ, ни одинъ городъ не казался столь мало воинственнымъ, какъ нашъ. Гарнизонъ былъ невеликъ, а артиллеріи не было видно; однако, этотъ городъ былъ центромъ производства и продажи мелкаго оружія, особенно охотничьихъ ружей и револьверовъ. Можно было постоянно видѣть мальчиковъ и дѣвочекъ, шедшихъ со связками ружейныхъ стволовъ и деревянныхъ рукоятокъ на плечахъ. Эти стволы были большею частью въ незаконченномъ видѣ, такъ какъ самая обработка производилась еще

въ широкихъ размѣрахъ рабочими на дому. Когда заканчивалась каждая отдѣльная операція приколачиванія, спиливанія, полировки и прилаживанія всѣхъ этихъ стволовъ, замковъ, собачекъ и рукоятокъ, тогда всѣ эти предметы отправлялись къ фабриканту, который принималъ работу и платилъ за нее.

Вліяніе этого производства на характеръ жителей Льежа было не особенно благопріятно. Въ мастерскихъ производилось слишкомъ большое количество огнестрѣльнаго оружія и слишкомъ многіе были хорошо знакомы съ его механизмомъ и примѣненіемъ. Сообщенія нашихъ газетъ показывали, какъ при такихъ условіяхъ учащались насилія и убійства. Въ этомъ году льежскій ружейный мастеръ имѣлъ возможность показать нѣкоторые результаты своей работы. Къ несчастью для себя онъ попытался пустить въ ходъ оружіе противъ завоевателей и тѣмъ вызвалъ репрессіи по отношенію къ мирнымъ согражданамъ.

При одномъ взглядѣ на карту Льежа и окружающихъ фортовъ видно, что всѣ тринадцать фортовъ отстоятъ отъ города на разстояніи нѣсколькихъ миль. Въ „Таймсѣ“ отъ 8 августа 1914 г. былъ помѣщенъ вполнѣ точный планъ Льежа, съ приложеніемъ описанія кольца укрѣпленій, составленнымъ свѣдущимъ географомъ, г-мъ Г. Беллокомъ. Прежде, чѣмъ дать свой менѣе спеціальный обзоръ, я позволю себѣ процитировать его слова.

„Укрѣпленія вокругъ Льежа“, пишетъ г. Беллокъ, „состоятъ изъ двѣнадцати отдѣльныхъ фортовъ, представляющихъ собою самую лучшую и самую грозную крѣпость въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Иде-

альная кольцеобразная крѣпость должна представлять собою городъ, способный вмѣщать громадные запасы и лежащій въ центрѣ образуемаго высотами круга съ радіусомъ около 8000 ярдовъ. Каждая высота должна обладать вполнѣ законченными укрѣпленіями, и каждая изъ такихъ крѣпостей должна опираться, по крайней мѣрѣ, на двѣ сосѣднія. Въ дѣйствительности не могутъ, конечно, существовать подобныя абсолютно точныя соотношенія, но сочетаніе естественнаго рельефа почвы съ инжернымъ искусствомъ дали Льежу кольцо фортовъ, приблизительно отвѣчающихъэтимъ требованіямъ. Хотя этотъ кругъ не вполнѣ правиленъ, но все же онъ болѣе правиленъ, чѣмъ въ другихъ кольцевидныхъ крѣпостяхъ. Разница между наибольшимъ и наименьшимъ діаметромъ не превышаетъ 20%. Наибольшее разстояніе между двумя укрѣпленіями составляетъ всего 7000 ярдовъ, среднее разстояніе—менѣе 4000. Каждое укрѣпленіе легко поддерживается двумя другими, часто—тремя, а въ одномъ случаѣ—четырьмя".

Среднее разстояніе отъ фортовъ до центра составляетъ, приблизительно по воздушной линіи 4 мили, но это разстояніе нельзя пройти въ короткое время, такъ какъ дорога ведетъ черезъ неровную и холмистую мѣстность. Ближе всего къ голландской границѣ находится Понтисъ, возлѣ лѣваго берега рѣки, на разстояніи девяти миль отъ луговъ Эйдена, ближайшей голландской деревни. Я не знаю, почему эта мѣстность осталась безъ прикрытія. Можетъ быть, долина Мааса слишкомъ низменна и открыта, и было бы слишкомъ трудно ее успѣшно защищать. Возможно, что этотъ небольшой участокъ

земли, куда не провели желѣзной дороги ни съ востока, ни съ запада, гдѣ нѣтъ ни одного каменнаго моста черезъ рѣку, не считался стратегически важнымъ. Каковы бы ни были причины, но по этому пути велось германское наступленіе, что мы и предвидѣли еще со временъ Мароккскаго конфликта.

Напротивъ Понтиса, на противоположномъ (правомъ) берегу лежитъ Баршонъ, подвергшійся особенно жестокимъ атакамъ со стороны непріятеля уже въ самомъ началѣ войны. Понтисъ и Баршонъ защищаютъ дорогу со стороны голландской границы съ сѣвера, и объ ихъ судьбѣ циркулировали въ Льежѣ самыя разнорѣчивыя извѣстія, попавшія отчасти и въ „Таймсъ". Сперва предполагали, что Баршонъ незначительно поврежденъ; позднѣе сообщалось, что этотъ фортъ „заставили замолчать" и наконецъ, что этотъ фортъ, какъ и Понтисъ были „нейтрализованы", вслѣдствіе состоявшагося между воюющими соглашенія, послѣ того, какъ германцы начали бомбардировать городъ. Я привожу этотъ примѣръ, чтобы дать представленіе о слухахъ, циркулировавшихъ въ осажденномъ городѣ. Когда выяснится истинное положеніе вещей, будетъ любопытно узнать, насколько основательны были эти слухи.

Вершину плоскогорія между нижнимъ теченіемъ Мааса и Ведра (вдоль котораго идетъ желѣзная дорога изъ Германіи) занималъ большой фортъ Флеронъ, опирающійся слѣва на фортъ Эвенье, справа на Шодфонтенъ. Рѣка Ведръ протекаетъ между меньшими фортами Шодфонтеномъ и Бонселемъ. Между Эмбуромъ и Бонселемъ, также большимъ фортомъ вдоль хребта и господствующимъ надъ

верхнимъ теченіемъ Мааса, протекаетъ его притокъ Уртъ (вдоль котораго идетъ желѣзная дорога). Бонсель—это тотъ фортъ, который подвергся сильнымъ наружнымъ измѣненіямъ, описаннымъ ниже въ этой главѣ. Этотъ фортъ ближе другихъ къ моему дому; поэтому всѣ, давшіе мнѣ свѣдѣнія, поскольку они сами были очевидцами, хорошо освѣдомлены о всѣхъ событіяхъ въ Бонселѣ.

Всѣ шесть вышеназванныхъ фортовъ находились на правомъ берегу Мааса. Имъ пришлось вынести первый ударъ, нанесенный имъ съ восточной стороны; другіе шесть фортовъ на лѣвой (западной) сторонѣ подверглись обстрѣлу вскорѣ послѣ атаки противъ самаго сѣвернаго изъ нихъ, Понтиса, на западъ отъ котораго лежатъ Льеръ и Лантенъ. Одинъ бельгійскій офицеръ просилъ, чтобы его солдатъ отвели въ Лантенъ, когда начнется отступленіе отъ Льежа, и здѣсь я впервые услышалъ зловѣщія слова: „Дабы они не попали въ плѣнъ къ германцамъ“. Обращенный внизъ, въ сторону важной станціи Анса, почти прямо на западъ отъ города, находится Лонсенъ, гдѣ генералъ Леманъ оставался на посту послѣ оставленія города. Безъ сомнѣнія, мы обязаны Лонсену тѣмъ, что германцы не могли двинуть ни одного локомотива отъ Льежа послѣ занятія ими всѣхъ станцій и желѣзнодорожныхъ мостовъ. Желѣзнодорожную линію они не разрушили, ввиду того, что предполагали использовать ее позднѣе при наступленіи на Брюссель. Пока я былъ въ Льежѣ, бельгійскіе желѣзнодорожные служащіе свободно ходили туда и сюда по станціи Ансъ, и отдѣльные поѣзда пускались даже въ то время, когда патрули улановъ препятство-

вали ихъ движенію и атаковывали ихъ, а телеграфные провода была уже перерѣзаны. Такимъ образомъ поддерживалось сообщеніе между областью, занятою нѣмцами, и остальной Бельгіей; впрочемъ немногіе, кромѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ, знали и пользовались этимъ.

Мнѣ не много остается сказать о западныхъ фортахъ Оллонѣ, расположенномъ на плоскогорьѣ, а также о Флемалѣ, близъ лѣваго берега Мааса противъ ближайшаго къ моему дому Бонселя.

Судя по картѣ, форты дѣлятся на два различныхъ типа: на широкій, болѣе укрѣпленный фортъ и смѣняющую его меньшую и болѣе слабую линію укрѣпленій. Я слышалъ отъ спеціалистовъ, что форты дѣйствительно расположены въ двѣ линіи; дѣлается это съ тѣмъ расчетомъ, чтобы въ случаѣ паденія одного форта, два другихъ, справа и слѣва, могли бы продолжать отбивать атаки непріятеля. Съ фортовъ открывается видъ на 4 долины: долины верхняго и нижняго Мааса, Урта и Ведра, пересѣченіемъ которыхъ образована котловина, гдѣ расположенъ городъ. Форты возведены по плану генерала Бріальмона, строителя румынскихъ крѣпостей. Въ одномъ изъ лондонскихъ иллюстрированныхъ журналовъ недавно былъ помѣщенъ чертежъ типичнаго форта, заимствованный изъ сочиненій Бріальмона. Это идеальный видъ, снятый съ пункта выше поверхности земли, очевидно, чтобы дать картину того, что можетъ увидѣть наблюдатель, находящійся на летательномъ аппаратѣ. Пѣшеходъ не увидитъ, ничего, кромѣ откоса, поросшаго травой; ибо форты хотя и занимаютъ центральное мѣсто, но не могутъ служить прицѣломъ

по самой своей структурѣ. Мнѣ лично привелось посѣтить одинъ только Бріальмоновскій фортъ близъ Антверпена. Всѣ они состоятъ изъ двухъ частей-изъ внѣшней линіи укрѣпленій, вооруженной митральезами обслуживаемыми пѣхотой для отраженія непріятельскаго штурма, и одной или нѣсколькихъ бетонныхъ башенъ, расположенныхъ по внутренней линіи укрѣпленій и снабженныхъ орудіями крупнаго калибра. Подъ землей помѣщается запасъ снарядовъ, и тамъ же заряжаются орудія. Затѣмъ особое приспособленіе въ родѣ лифта поднимаетъ орудіе, опуская его послѣ выстрѣла.

Плоскій стальной навѣсъ защищаетъ пушки и прислугу отъ обстрѣла; башенки и орудія расположены почти такъ же, какъ на военныхъ судахъ.

Эти форты считались неприступными, ихъ охранялъ немногочисленный гарнизонъ. Большое преимущество этихъ фортовъ заключается въ томъ, что его гарнизонъ прекрасно знаетъ мѣстность, такъ какъ высота и разстояніе каждой точки измѣрены, и потому можно расчитать прицѣлъ съ математической точностью.

Несмотря на то, что на картахъ Бельгіи, изданныхъ военнымъ министерствомъ было дано не вѣрное расположеніе фортовъ, несмотря на тщательную охрану послѣднихъ, непріятель былъ хорошо освѣдомленъ благодаря шпіонажу и аэропланамъ. Любому туристу въ концѣ-концовъ не возбраняется дѣлать снимки съ окружающей его мѣстности, а потомъ, съ помощью тщательнаго изученія топографическихъ условій, наносить ихъ на карту. Сопоставляя снимки съ усадебъ, шпицевъ церквей, де-

ревьевъ съ картами, можно вычислить прицѣлъ для артиллеріи, что дастъ нѣкоторыя преимущества при стрѣльбѣ. Во избѣжаніе этого бельгійскія власти пустили въ ходъ самыя рѣшительныя мѣры. Сносили дома, срубали деревья, говорятъ, даже уничтожили церковь въ Бонселѣ. Отряды землекоповъ и углекоповъ вырыли траншеи и поставили брустверы. Это настолько измѣнило характеръ мѣстности, что иностранецъ не могъ бы въ случаѣ осады оріентироваться на основаніи прежнихъ снимковъ. Первое время пока еще было спокойно, мы поднимались на сосѣднія высоты, наслаждаясь открывающимся тамъ далекимъ горизонтомъ, вдыхая чистый воздухъ. Всѣ эти историческія имена, занесенныя въ книгу славы, суть названія деревень, расположенныхъ по зеленымъ склонамъ, орошаемымъ маленькими ручейками, вдали отъ городского шума и дыма, гдѣ обычно лѣниво пережевываютъ свою жвачку коровы, гдѣ еще такъ недавно стоялъ смѣхъ и говоръ весельчаковъ—артиллеристовъ въ красныхъ и синихъ шапочкахъ и привѣтливыхъ поселянокъ.

ГЛАВА IV.

Духъ Льежа.

Городъ Льежъ занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто въ Бельгійскомъ государствѣ. Оффиціально онъ считается однимъ изъ девяти главныхъ провинціальныхъ городовъ. Одно то, что въ Льежѣ имѣется университетъ, судебная палата, всемірно извѣстная музыкальная школа, прославившаяся своимъ преподаваніемъ скрипичной игры, что городъ до конца 18-го вѣка былъ центромъ отдѣльнаго и независимаго государства, льежскаго духовнаго княжества, что это, наконецъ, самый большой изъ бельгійскихъ городовъ, гдѣ господствуетъ французскій языкъ (Брюссель, Антверпенъ и Гентъ—фламандскіе города), даетъ ему уже право притязать на званіе столицы. Право это закрѣплено за нимъ историками, которые не могли причислить Льежъ къ испанскимъ Нидерландамъ (въ составъ послѣднихъ, онъ впрочемъ никогда не входилъ). Они-то и познакомили современный Льежъ съ учрежденіями и судьбами стараго Льежа, съ просвѣтительной дѣятельностью его князей-епископовъ, съ вѣковой борьбой городского самоуправленія противъ государя и капитула.

То положеніе, которое Льежъ занялъ за послѣднее

время, какъ оплотъ французской культуры и французскаго языка, обособило его отъ сѣверной, фламандской части Бельгіи и внесло новую струю въ старыя традиціи. Льежъ присвоилъ себѣ недавно названіе „столицы валлоновъ“. Такъ называютъ себя бельгійцы, живущіе на юго-востокѣ, т.-е. въ гористой части страны, отмежевывая себя тѣмъ отъ жителей равнины на сѣверо-западѣ. Преподаваніе ведется въ школахъ на французскомъ языкѣ, и все населеніе довольно хорошо говоритъ на немъ. Поселяне и менѣе образованный классъ горожанъ говорятъ на различныхъ діалектахъ, родственныхъ французскому языку. Населеніе не имѣетъ традицій, ни національнаго языка, ни національныхъ чертъ, его не воодушевляютъ патріотическія чувства какъ французовъ и англичанъ; вотъ почему его больше всѣхъ задѣло германское вторженіе. Слишкомъ далека и чужда ему международная политика, слишкомъ мало трогаютъ его проблемы, возбуждаемыя ею. Всѣ ихъ политическіе интересы можно свести къ партійнымъ, въ которыхъ играютъ руководящую роль главныя теченія европейской мысли, какъ-то: клерикализмъ романской расы, соціализмъ и радикализмъ антиклерикальнаго, континентальнаго типа. Военное прошлое страны, о которомъ знаютъ развѣ только мѣстные археологи, восходитъ къ глубокой старинѣ; о немъ нѣтъ живыхъ воспоминаній. Не говоря ужъ о ненависти, которую валлоны питаютъ къ германской дисциплинѣ и ея пріемамъ, упомянутымъ во II главѣ, они имѣютъ еще особое основаніе опасаться германскаго могущества. Замѣтивъ, что фламандскій языкъ (германское нарѣчіе) получаетъ все большее и большее распространеніе и

грозитъ вытѣснить французскій, они вызвали къ жизни движеніе въ защиту галльскаго языка и галльскаго духа, извѣстнаго подъ названіемъ валлонскаго движенія.

Оно возникло лѣтъ десять тому назадъ, какъ протестъ и реакція противъ употребленія голландскаго (или фламандскаго) языка въ качествѣ государственнаго. Послѣ того, какъ болѣе полувѣка французскій языкъ фактически былъ оффиціальнымъ языкомъ Бельгіи, его лишили первенствующаго значенія цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы уравнять съ нимъ фламандскій языкъ (такъ называемое фламандское движеніе). Въ противовѣсъ ему поднялось валлонское движеніе, призванное поддержать и поднять значеніе французскаго языка. Поборниковъ голландскаго языка стали обвинять въ служеніи германскимъ интересамъ и содѣйствіи посягательствамъ „Фатерланда“ на независимость Бельгіи, между тѣмъ какъ валлонская партія превозносила и насаждала идею національнаго, которая недавно стала такъ сильна во Франціи, гдѣ ея провозвѣстникомъ явился извѣстный писатель и политическій дѣятель Морисъ Барресъ. Однако, вся эта борьба изъ-за языковъ и національной идеи, безъ сомнѣнія, таящая серьезную опасность для единства Бельгіи въ будущемъ, не могла повліять на любовь народа къ родинѣ. Она не помѣшала намъ сплотиться вокругъ нашего короля, когда насталъ часъ испытаній.

ГЛАВА V.

Приготовленія бельгійцевъ къ грядущимъ событіямъ.

Мы, бельгійцы, не можемъ притворяться удивленными урагану, разразившемуся надъ нами. Хоть мы и старались расчитывать на благопріятный исходъ, но мы сознавали, что нейтралитетъ нашъ—весьма ненадежная опора, что гарантіи державъ до тѣхъ поръ дѣйствительны, пока онѣ единодушны, и что, если бы одной изъ великихъ державъ понадобилось переправить свои войска черезъ нашу территорію, наша родина вновь стала бы театромъ европейской войны. Правда, остальныя державы пришли бы намъ на помощь, но вѣдь ихъ помощь все равно не воскресила бы нашихъ убитыхъ и не спасла бы жилищъ отъ пожара. Намъ суждено пережить снова дни Ватерлоо, какъ нашимъ дѣдамъ сто лѣтъ тому назадъ; — такова наша судьба, отъ нея не уйдешь, остается встрѣтить ее мужественно.

И если нашимъ солдатамъ не пришлось погибнуть, какъ стадо барановъ, то этимъ мы всецѣло обязаны мужеству и предусмотрительности непопулярнаго монарха, короля Леопольда II. Я убѣжденъ, что тѣ бельгійцы и англичане, которые осуждали его колоніальную политику (было бы оши-

бочно думать, что мы бельгійцы боимся осуждать его), не преминутъ воздать въ этотъ часъ должное его памяти. Онъ ясно видѣлъ нависшую тучу и сталъ усиленно готовиться... Вспомнимъ его грубоватую остроту, которой онъ уязвилъ члена парламента, возставшаго прогивъ его проекта укрѣпленій на Маасѣ: „Сударь, никогда не слѣдуетъ выходить безъ зонтика!“

Имъ были приняты мѣры, оградившія нашу націю отъ позора пренебречь своими обязанностями охранительницы мира и стража большой дороги Европы. Во-первыхъ онъ создалъ крѣпости, во-вторыхъ усилилъ и реорганизовалъ армію.

Наши парламенты не были склонны отпускать средства на военныя нужды. Они предпочитали слагать съ себя отвѣтственность, ссылаясь на то, что нашъ нейтралитетъ въ рукахъ державъ и потому намъ слѣдуетъ надѣяться на ихъ защиту. Отвѣтъ на этотъ доводъ таковъ: прежде всего надо выполнить свои обязанности по отношенію къ себѣ и къ державамъ; не сдѣлавъ всего, что въ нашихъ силахъ, мы не имѣемъ права расчитывать на ихъ содѣйствіе. Политическія партіи, конечно, обманывали народъ, поощряя его безпечность въ этомъ вопросѣ, но ни одинъ изъ нашихъ трехъ королей не далъ себя ослѣпить, не преминулъ сдѣлать все отъ него зависящее.

Не только укрѣпленія Антверпена возводились подъ огнемъ сильнѣйшаго сопротивленія, но и форты Льежа были встрѣчены протестами и жалобами. Въ лицѣ генерала Бріальмона король нашелъ лучшаго военнаго инженера того періода; ему онъ и поручилъ выработать весь планъ защиты.

Вплоть до 1880 г. переѣздъ нашего правительства въ Антверпенъ въ случаѣ нашествія непріятеля считался догматомъ бельгійской политики; въ Антверпенѣ предполагалось выждать, пока Англія и другія державы, гарантировавшія независимость Бельгіи, не придутъ на помощь. Планъ этотъ былъ замѣненъ новымъ, сводившимся къ укрѣпленію долины Мааса съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать переходу войска черезъ него изъ Германіи во Францію и также изъ Франціи въ Германію. Вѣроятно, послѣдній планъ не обсуждался серьезно ввиду несомнѣннаго численнаго превосходства германцевъ. Когда постройка фортовъ была закончена по плану Бріальмона и подъ его личнымъ наблюденіемъ, выяснились малочисленность и не высокое качество нашей арміи. Виной тому являлась устарѣлая система набора, въ силу которой каждый, призванный жеребьевкой, могъ найти себѣ за небольшую сумму (между прочимъ, никогда не достигавшую 2000 франковъ) замѣстителя, который и отбывалъ за него воинскую повинность.

Можно было бы предположить, что бѣднякъ, добровольно пошедшій на службу, окажется самымъ лучшимъ солдатомъ; такъ по крайней мѣрѣ долженъ думать англійскій читатель, воспитанный на системѣ комплектованія регулярной арміи Великобританіи по вольному найму. Наши офицеры думали иначе. Охотникъ оказывался менѣе просвѣщеннымъ, физически менѣе приспособленнымъ и менѣе воспріимчивымъ къ военной выправкѣ, чѣмъ откупившійся богачъ. Самое слово „замѣститель“ употребляется въ нѣкоторыхъ бельгійскихъ діалектахъ въ укоризненномъ смыслѣ; вся же система набора не можетъ найти

лучшаго выраженія, какъ въ знаменитой сценѣ, гдѣ сэръ Джонъ Фальстафъ отпускаетъ всѣхъ, могущихъ откупиться, взамѣнъ ихъ набирая для королевской службы тѣхъ, кто послабѣе и побѣднѣе: „Ладно! Они заполнятъ яму не хуже другихъ!“

Король Леопольдъ рѣшилъ отмѣнить эту устарѣлую систему набора съ тѣмъ, чтобы бельгійскіе дворяне и крестьяне отбывали воинскую повинность лично, какъ это ужъ давно практикуется въ Германіи и Франціи. Ему не разъ приходилось говорить рѣчи на эту тему и, несмотря на оппозицію парламентскаго большинства, въ концѣ концовъ онъ провелъ новый законъ. Законъ объ отмѣнѣ „замѣстительства“ въ арміи подписанъ имъ незадолго до смерти.

Нельзя не указать, что армія, столь отличившаяся въ минувшемъ августѣ, набрана отчасти по старымъ законамъ, отчасти на основаніи новаго устава, и только самые молодые солдаты призваны уже послѣ того, какъ уставъ вошелъ въ законную силу.

При вступленіи на престолъ короля Альберта существовали уже укрѣпленія и дѣйствовалъ новый Воинскій Уставъ, но армія въ Антверпенѣ и по новой линіи укрѣпленій на Маасѣ оставалась попрежнему малочисленной. Ее вскорѣ значительно увеличили, предполагалось даже полное обновленіе; его не успѣли провести, какъ разразилась гроза.

Столкновеніе изъ-за Агадира и Марокко въ 1911 г., вотъ событіе, открывшее глаза тѣмъ изъ насъ, кто еще не совсѣмъ ослѣпъ. Оно выяснило, насколько Бельгія неподготовлена, вызвавъ тѣмъ самымъ крайне острый переломъ во мнѣніяхъ. Съ того времени въ

*

арміи стали проводить реформы и спѣшно примѣнять новѣйшія усовершенствованія. Тутъ мы узнали о существованіи новыхъ моделей пушекъ, о новыхъ средствахъ продовольствія, о казармахъ послѣдняго образца, о новыхъ правилахъ производства. Офицеры ворчали, но работали; выходили въ отставку и смѣщались и замѣнялись другими: военный міръ жилъ въ хлопотахъ и приготовленіяхъ. Широкая публика удивлялась, не зная чего ожидать ей раньше: реорганизаціи бельгійской арміи или нападенія Германіи. Городскія управленія торговались съ правительствомъ относительно средствъ на постройку новыхъ казармъ, пожилые люди жаловались, въ письмахъ въ редакціи, что ночью имъ мѣшаетъ спать лай собакъ, обучаемыхъ перевозкѣ пулеметовъ для нашей пѣхоты. По примѣру Франціи введены были вечернія зори.

Смотры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, уяснили необходимость пріобрѣтенія новыхъ лошадей и новыхъ сѣделъ, а также обновленія и пополненія обмундировки солдатъ. Всѣ эти положенія соотвѣтствовали духу сообщеній французскихъ газетъ, сбытъ которыхъ въ Бельгіи огроменъ. Какъ это ни странно, наши просвѣщенные консерваторы заразились военной горячкой отъ Франціи, этой республиканской твердыни, и такъ или иначе воспринимали и распространяли идеи французскаго націонализма.

По мѣрѣ силъ мы готовились къ грядущимъ событіямъ, но въ этомъ году не было основаній безпокоиться больше, чѣмъ въ прежніе годы. Поднявшіяся было опасенія скоро разсѣялись, и это могло бы служить доказательствомъ ихъ неосновательности.

Поэтому, когда мы вдругъ очутились въ западнѣ, мы оказались подготовленными и сами же удивились своей пророческой предусмотрительности. Меня поразило различное настроеніе умовъ образованныхъ и необразованныхъ классовъ. Для крестьянства и рабочаго люда, который никогда не отбывалъ военной службы,—а онъ вѣдь составляетъ большинство,—война была чѣмъ то грознымъ, означала только убійство и разореніе. Этотъ классъ населенія удивлялся и не зналъ, чего ему ожидать. Тѣ изъ насъ, которымъ открыто большее, пережили агонію интенсивной, взволнованной мысли. Много я наслушался разсказовъ о безсонныхъ ночахъ, когда люди, не смыкая глазъ, со всѣхъ сторонъ обдумывали хозяйственные вопросы, вопросы объ обезпеченіи населенія съѣстными припасами, о займахъ, производствѣ и потребленіи, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, приходили къ выводу, что лучше оставить эти вопросы неразрѣшенными—такъ они были страшны. Тѣ же мысли, правда, не съ такой настойчивостью, тревожатъ и англичанъ, хотя у нихъ открыты гавани, ихъ флотъ плаваетъ, а въ странѣ царитъ спокойствіе и достатокъ, по крайней мѣрѣ съ виду.

Единственное, на чемъ можно было отдохнуть, было сознаніе, что смерть—конецъ всему и что онъ можетъ наступить внезапно. Голодъ грозитъ всему континенту, не только бѣднымъ, но и богачамъ, ибо деньги не могутъ дать пищи, если ея негдѣ взять. Закрываются фабрики, останавливаются желѣзныя дороги и трамваи, гибнутъ всѣ предпріятія. Грубую силу—которой, какъ мы знали, намъ придется подчиняться, можно сносить до тѣхъ поръ, пока суровая

прусская дисциплина въ состояніи сдерживать звѣрскіе инстинкты, таящіеся въ большинствѣ изъ насъ и доминирующіе у немногихъ. Оставалось только убивать, и люди шли на это; подобное занятіе по крайней мѣрѣ обезпечивало имъ корку хлѣба, общество товарищей и смыслъ жизни. Тѣ, кто были слишкомъ стары, чтобы носить оружіе, увидѣли передъ собой одну перспективу скотскаго подчиненія, при этомъ ихъ могли оставить въ живыхъ, но могли и лишить жизни; въ первомъ случаѣ пришлось бы заново перестраивать жизнь съ остатками былого.

Организованная сила Германіи, сказывающаяся во всѣхъ ея учрежденіяхъ, наполняла многихъ изъ насъ сознаніемъ безнадежности сопротивленія. Отчаяніе охватило всѣхъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ изъ насъ, кто настолько гибокъ душевно, что въ состояніи жить возбужденіемъ и внѣшними событіями.

ГЛАВА VI.

Гроза надвигается.

Бельгія не сразу мобилизовала свои войска, какъ то сдѣлали Голландія и, кажется, Швейцарія. Занимая самый опасный уголъ Европы, она стала созывать свои войска задолго до того, какъ событія приняли рѣшительный оборотъ. Мы всѣ предвидѣли неожиданность нападенія, т.-е. полагали, что линія нашихъ укрѣпленій будетъ перейдена прежде, чѣмъ мы успѣемъ подумать объ оборонѣ. Первый министръ все время предупреждалъ насъ, что нужно быть наготовѣ, не дожидаясь мобилизаціи державъ. Какъ слабое государство, мы пользовались правомъ открыто готовиться, правомъ, котораго лишены болѣе могущественныя державы: вѣдь не могли же волки разсматривать мѣры предосторожности ягненка, какъ приготовленія къ наступательнымъ дѣйствіямъ!

Первый призывъ подъ знамена привелъ въ казармы весь цвѣтъ нашей арміи, самыхъ молодыхъ, хорошо обученныхъ, отборныхъ солдатъ, всѣхъ тѣхъ, у кого было въ памяти Марокко, и кто участвовалъ въ послѣднихъ маневрахъ. Большинство—безбородые, совсѣмъ юноши, немногимъ старше двадцати лѣтъ, почти всѣ холостые. Форма запасныхъ — бумажныя

брюки, короткіе пиджаки и шапка — все новое и въ порядкѣ. Ихъ уходъ не казался трагичнымъ, — словомъ, мы надѣялись, что можно еще отвратить бурю.

Первая мобилизація была произведена несомнѣнно по совѣту дружественныхъ державъ, дабы предупредить вторженіе германскихъ моторовъ и германской кавалеріи на нашу территорію. Голландія объявила у себя мобилизацію, дѣйствуя, очевидно, подъ вліяніемъ этихъ же совѣтовъ. Принцъ-супругъ (нѣмецъ) обратилъ все свое вниманіе на Красный Крестъ, тогда какъ королева дѣлала смотры войскамъ и выпускала воззванія.

Суббота 1-го Августа.

До этого времени мы съ волненіемъ, котораго не испытывали раньше при прежнихъ европейскихъ конфликтахъ, слѣдили за развертывающимися событіями, не теряя однако надежды. Мысль о европейскомъ пожарѣ, связанномъ съ неисчислимыми жертвами и никому не приносящемъ явной выгоды, казалась слишкомъ большимъ безумiемъ, чтобы на ней останавливаться.

Просьба моего сосѣда Р., офицера запаса, котораго я встрѣчалъ раньше только въ штатскомъ, а теперь увидѣлъ въ формѣ, натолкнула меня на мысль о войнѣ: „Не предвидится ничего хорошаго. Такъ можетъ долго продолжаться. Я оставлю прислугѣ средства. Не будете ли вы такъ добры присмотрѣть въ мое отсутствіе за домомъ?“ Я знаю нѣмецкій языкъ и могъ быть полезнымъ. Я обѣщалъ сдѣлать все, что могу, покуда, конечно, я буду въ Льежѣ.

Прислуга г-на Р. оказалась на рѣдкость изворотливой. Смѣясь, она снаряжала своего барина; не переставала она смѣяться и во время осады, бомбардировки и занятія города непріятелемъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее, угощающей нѣмецкихъ солдатъ кофе и бесѣдующей съ ними жестами и односложными словами. Вся ея философія вылилась въ одной фразѣ: „Я—хорошій гусаръ“. „Ты не понимаешь, что это такое“, сказалъ ей ея хозяинъ передъ уходомъ. Онъ поднялся къ фортамъ, гдѣ ему предстояло завѣдовать проволочными загражденіями. Гдѣ-то онъ теперь?

Теперь я счелъ своимъ долгомъ отправиться къ моей семьѣ въ Брюссель, чтобы узнать, какъ она собирается встрѣтить надвигающуюся бурю. Благодаря этому путешествію я могъ видѣть, какъ проходила наша вторая мобилизація, носившая болѣе серьезный характеръ, чѣмъ первая. Мужчины были разбужены среди ночи стукомъ въ дверь и колокольнымъ звономъ. Это были люди значительно старшаго возраста, бо́льшею частью женатые, съ большими усами, въ заплатанныхъ, грязныхъ и старыхъ мундирахъ резервистовъ. Они явились съ сосредоточенными, изможденными работою лицами. Подбородки ихъ были тщательно выбриты, а между пуговицами ихъ куртокъ виднѣлись ихъ отпускные билеты. Они тѣснились всюду, въ салонъ-вагонахъ, въ вагонахъ третьяго класса, въ корридорахъ и входили безъ билетовъ, молчаливые и тихіе.

Въ нашемъ отдѣленіи находились бѣженцы изъ Германіи. Одинъ мужчина улыбался, бѣгло разговаривая по-нѣмецки и по-англійски. Это былъ италья-

нецъ, банковскій служащій изъ Кельна,—молодой человѣкъ съ твердыми принципами и логическимъ ходомъ мысли. Онъ не любилъ войны и направлялся поэтому въ Испанію, единственную европейскую страну, которая могла скорѣе всего гарантировать ему безопасность. Барселона—прелестный городокъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя совсѣмъ, какъ дома. Если бы у него было больше денегъ, онъ уѣхалъ бы въ Канаду. Славная страна, гдѣ у него также есть друзья. Затѣмъ, глядя съ улыбкой на дѣвушку-англичанку, съ придурковатымъ видомъ сидѣвшую передъ нимъ,—замѣтилъ: „Я ни съ кѣмъ не воюю!". Маленькій сакъ со всѣмъ его земнымъ достояніемъ лежалъ у него подъ ногами, а въ рукахъ онъ держалъ зонтикъ.—Діогенъ 1914 года!

Молодая англичанка ѣхала изъ Кельна со своимъ братомъ и сестрой,—всѣ въ костюмахъ туристовъ. Одна дѣвушка читала дешевенькій романъ и ни разу не подняла глазъ, чтобы взглянуть на первую сцену величайшей міровой трагедіи, а юноша спросилъ меня беззаботно: „Вѣдь они не мобилизуются? Не правда-ли?" Наивные иностранцы! Другимъ человѣческимъ существомъ удивительно нелѣпаго вида былъ немолодой пасторъ, державшій связку палокъ для гольфа, повидимому, бѣжавшій изъ Спа при приближеніи грозы. Видъ палокъ для гольфа и ракетокъ для лаунъ-тенниса напомнили мнѣ разсказъ Киплинга.

Во время моего кратковременнаго путешествія изъ Льежа въ Брюссель, длившагося всего полтора часа, весь видъ нашей страны быстро измѣнился. Я нашелъ нашъ народъ спокойнымъ, но готовымъ ко всему

Запастись нѣкоторымъ количествомъ пищевыхъ продуктовъ было нашей первой заботой, затѣмъ явились вопросы о томъ, гдѣ искать убѣжища во время войны и какъ запастись достаточнымъ количествомъ денегъ. Вслѣдствіе большого спроса на сухой горохъ и бобы, шоколадъ, окорока, разнаго рода консервы, торговцы съ трудомъ могли удовлетворять всѣхъ покупателей. Большинство рѣшило продавать лишь своимъ постояннымъ кліентамъ и воздерживаться отъ повышенія цѣнъ. Благодаря этому большинство жителей получило возможность сдѣлать небольшой запасъ на случай прекращенія сообщенія, сраженій на улицахъ и грабежа. Денежный вопросъ оказался весьма серьезнымъ въ странѣ, гдѣ рѣдко видно золото. Всѣмъ было извѣстно, что болѣе состоятельные люди припрятали золотыя монеты въ достаточномъ количествѣ, чтобы перенести надвигающуюся грозу. Въ странѣ, гдѣ серебряная монета слишкомъ тяжела для крупныхъ платежей, а чекъ мало употребителенъ, банковые билеты являются обычно почти единственными ходячими денежными знаками. Вначалѣ ихъ нигдѣ не принимали. Одинъ банковскій служащій совѣтовалъ мнѣ купить припасовъ на двадцать франковъ (стоимость наименьшаго банковаго билета), заплатить бумажкой и взять товаръ, не спрашивая согласія. Повидимому, это было законное дѣло, такъ какъ наши банковые билеты должны быть оплачены по предъявленіи. Наплывъ публики съ требованіемъ возврата вкладовъ изъ банковъ не имѣлъ никакого смысла, такъ какъ частныя квартиры представляютъ меньше гарантій безопасности, чѣмъ кладовыя банка. Толпы народа стояли въ теченіе многихъ часовъ въ

ожиданіи передъ дверьми банковъ, межъ тѣмъ какъ выдача мелкихъ вкладовъ задерживалась для того, чтобы выиграть время. Если же поднимался шумъ, то вызывали пожарныхъ и обливали толпу изъ рукава водою, какъ это было въ Льежѣ, когда началась паника.

Этотъ методъ можно, безъ сомнѣнія, рекомендовать всѣмъ тѣмъ, кто не желаетъ расплачиваться съ нѣсколькими кредиторами заразъ!

Вопросъ о томъ, куда бы скрыться, начинаетъ безпокоить бѣдный людъ лишь тогда, когда онъ слышитъ пальбу; тогда только онъ ищетъ убѣжища въ какой-нибудь сосѣдней улицѣ или деревнѣ. Средній классъ, владѣющій дачами и домами въ городахъ и привыкшій къ жизни въ гостинницахъ и къ путешествіямъ за границей, большею частью обдумалъ и рѣшилъ этотъ вопросъ за много лѣтъ до этой войны. Побережье около Остенде, лежащее въ сторонѣ отъ главныхъ дорогъ между Парижемъ и Германіей, благодаря близкому сосѣдству съ Англіей, обезпеченное достаточнымъ подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, было избрано многими отцами семействъ; сюда они отправляли своихъ женъ и дѣтей, тогда какъ сами они подвергались большому риску, оставаясь охранять свое земное достояніе. Другіе предпочитали оставаться въ деревняхъ, гдѣ легко раздобыть домашнюю пищу, кроликовъ, свиней и картофель и гдѣ можно было расчитывать на дружбу старыхъ вассаловъ и сосѣдей.

Нѣкоторые умышленно отправились въ зону нѣмецкаго нашествія, подвигаясь на востокъ отъ Мааса для того, чтобы возможно скорѣе попасть подъ за-

щиту организованной и дисциплинированной арміи. Значительное число жителей рѣшило оставаться въ своихъ домахъ, гдѣ не нужно было вносить платы, такъ что всѣ оставшіяся деньги можно было употребить на закупку пищи. Дѣло въ томъ, что бѣдняки представляли себѣ войну, какъ массовое избіеніе гражданъ, тогда какъ болѣе просвѣщенныхъ изъ насъ скорѣе безпокоила опасность голода въ случаѣ, если бы военныя операціи продолжались слишкомъ долго и истощили запасъ пищевыхъ продуктовъ въ Германіи. Не имѣя возможности получать ихъ изъ Штатовъ или изъ Россіи, Германія, конечно, захватила бы пшеницу и мясо для своего населенія, а не оставила бы ихъ жителямъ нейтральной страны или врагу. Многіе изъ насъ думали, что первая обязанность несражающихся—по мѣрѣ возможности покинуть Бельгію, чтобы уменьшить количество ртовъ, которые необходимо кормить. Если Уголино могъ изгнать нѣсколькихъ обитателей своей башни, онъ долженъ былъ это сдѣлать!

Купцы и лавочники, конечно, прежде всего боялись грабежа. Я не знаю ни одного случая грабежа, и врядъ ли возможно было въ августѣ мѣсяцѣ этого года продать въ Бельгіи краденыя вещи, хотя, быть можетъ, такія предсказанія еще преждевременны. Я знаю, однако, владѣльца большого мебельнаго магазина, который отдалъ всѣ свои кровати подъ раненыхъ, извлекъ всѣ постельныя принадлежности изъ своихъ складовъ, поднялъ флагъ Краснаго Креста и оставилъ у себя всѣхъ продавщицъ для исполненія разныхъ обязанностей въ лазаретѣ. Благодаря этому онѣ оказались полезными и вмѣстѣ съ тѣмъ въ

безопасности, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время.

Во время пребыванія въ Брюсселѣ я былъ свидѣтелемъ реквизиціи перевозочныхъ средствъ, которая была проведена съ удивительной быстротой и легкостью. Автомобили и повозки были собраны на большихъ площадяхъ; ихъ нумеровали известковымъ растворомъ и отсылали. На одной улицѣ сотни лошадей подвергались осмотру: на ихъ копытахъ и бокахъ дѣлались отмѣтки. Самое трогательное зрѣлище представляли рыжеватыя собаки, развозившія по улицамъ Брюсселя молоко, булки и фрукты. Онѣ тоже несутъ обязанности по отношенію къ родинѣ, перевозятъ пулеметы для пѣхоты. Я видѣлъ, какъ солдаты взяли съ собой нѣсколькихъ собакъ и какъ взволнованно тѣ махали хвостами, когда тронулись въ путь.

Все это дѣлалось безъ лишнихъ словъ и безъ всякой суеты. Народъ, въ обыкновенное время упрямый и неподатливый, повиновался безпрекословно. „Первый разъ, кажется“, писалъ нашъ брюссельскій журналистъ, „бельгіецъ понимаетъ съ перваго слова и дѣлаетъ то, что ему велятъ“. Мальчики въ формѣ — то были ученики младшихъ классовъ нашихъ военныхъ учебныхъ заведеній — составляли списки поступившихъ животныхъ и припасовъ.

Воскресенье 2-го Августа.

При видѣ поголовнаго бѣгства изъ Брюсселя, я вернулся къ себѣ домой. Я остался не потому, что расчитывалъ быть полезнымъ; удержало меня скорѣе сознаніе, что бѣжать не слѣдуетъ. На очереди стояли массовыя убійства, ими жила, о нихъ только и помышляла Европа. Я не годился для военной

службы, отчасти потому, что вышелъ изъ возраста и не имѣлъ навыка, но больше всего вслѣдствіе слабаго зрѣнія, благодаря которой я никогда не попадалъ въ цѣль. Я могъ просто остаться и только.

Моимъ сосѣдямъ могло пригодиться мое знаніе нѣмецкаго языка и умѣнье обращаться съ нѣмецкими солдатами.

Вслѣдъ за объявленіемъ второй мобилизаціи получилось извѣстіе объ ультиматумѣ, предъявленномъ Германіей, и правительство сообщило его печати въ смягченной, осторожной формѣ. Отъ насъ требовали дать германскимъ войскамъ свободный пропускъ черезъ Бельгію, передать Германіи наши крѣпости на Маасѣ; убытки же, если таковые будутъ, предлагалось возмѣстить деньгами. На вокзалѣ въ Брюсселѣ я прочелъ въ газетномъ кіоскѣ плакатъ:

„Бельгія отказала“.

Начиналась величайшая война въ исторіи. Мы встрѣтили двухъ пріятелей, вернувшихся изъ Парижа. Они разсказывали о твердой рѣшимости, царящей тамъ, о томъ, что въ городахъ замерла жизнь, о глубокомъ и серьезномъ отношеніи французской націи. „Какъ вы думаете, германцы побѣдятъ?“. „Надѣюсь, нѣтъ, но кто знаетъ!“ Увѣренные въ трагическомъ исходѣ, они были тверды и рѣшительны, наши бельгійцы. Комизмъ положенія былъ удачно схваченъ во французской каррикатурѣ, которую мой пріятель видѣлъ въ Парижѣ. Дама сокрушается, что ея мужъ, ея сынъ и кучеръ отозваны въ армію, поваръ вернулся въ деревню помогать ея матери, которая оста-

лась одна на фермѣ. „Какое счастье что и лошади взяты, а то не кому было бы смотрѣть за ними!“

Другой пріятель, Б., былъ очень озабоченъ судьбой германской культуры. „Если они проиграютъ кампанію“, говорилъ онъ, „погибнетъ вся ихъ наука и техника. А что будетъ съ фламандскимъ языкомъ и литературой?“

Тотъ же самый пріятель разсказывалъ, какъ ловили шпіоновъ, но я этого нигдѣ не видѣлъ. Если попадался кто нибудь съ иностраннымъ акцентомъ, или просто внушалъ подозрѣніе, его избивали или тащили въ полицію. Выбивали окна, грабили, совершали насилія, вымещали злобу на мирныхъ обывателяхъ. Иногда мотивы бывали самые низкіе и постыдные. Кредиторовъ преслѣдовали должники, личные раздоры разрѣшались при содѣйствіи слѣпой, озвѣрѣлой толпы.

Поѣздъ съ которымъ я поѣхалъ домой, въ Льежъ, былъ переполненъ бѣженцами изъ Франціи. Среди нихъ находился пожилой, робкій, застѣнчивый человѣкъ, боявшійся скомпрометировать себя. Самое грустное зрѣлище представляла молодая супружеская чета съ тремя маленькими дѣвочками, родившимися во Франціи и говорившими только по-французски. Продолжительное пребываніе во Франціи отдалило ихъ отъ родины: ихъ взгляды и симпатіи въ дѣйствительности были на сторонѣ французовъ. Но война призвала супруга на военную службу. Онъ шелъ сражаться за то, что ненавидѣлъ, за страну, которая перестала быть его родиной.

„Я не хочу быть дезертиромъ“ повторялъ онъ часто, между тѣмъ, какъ жена всячески уговаривала

его покинуть поѣздъ и отправиться въ безопасное мѣсто.

„Еще придется видѣть тебя убитымъ“, воскликала она, „и зачѣмъ только мы поѣхали такъ далеко, почему не поѣхали въ Испанію, какъ я говорила!“

Господинъ принимался разсказывать о грубости германской военной касты, припоминалъ случаи изъ своей солдатской жизни въ казармахъ, оскорбленія и униженія, которыя приходилось терпѣть отъ унтеръ-офицеровъ. Остальные германцы молча слушали, они знали, что все это — правда. Только теперь, по возвращеніи изъ Парижа, они узнали, что Бельгія тоже вовлечена въ войну и восклицали: „Вся Европа противъ Германіи! Германія погибла! Императоръ сошелъ съ ума!“

На слѣдующій остановкѣ станція оказалось занятой гражданской милиціей; торопливо пробирались впередъ люди въ формѣ. Клики „да здравствуетъ Бельгія!“ привѣтствовали отъѣзжающій поѣздъ, а молодой священникъ на платформѣ махалъ ему вслѣдъ своей черной шляпой.

Въ нашемъ купэ былъ шпіонъ. Хорошенькая нѣмка изъ Антверпена, игравшая обручальнымъ кольцомъ, которое носила, повидимому, безъ всякаго на то права, разсказывала какія-то небылицы о своемъ мужѣ,—который будто-бы слишкомъ старъ, чтобы служить, она ѣдетъ въ Льежъ повидаться съ подругой. При этомъ время отъ времени она дѣлала видъ, что читаетъ романъ. Нѣсколько разъ она пыталась перевести разговоръ на тему о матеріальныхъ убыткахъ, причиняемыхъ войной. Возможно, что ей поручено было узнать настроеніе общественнаго мнѣнія

Бельгіи, вывѣдать, склоненъ ли народъ подчиниться германской оккупаціи. Отвѣтъ можно было прочесть на лицахъ всего населенія.

Уѣзжая изъ Льежа, я покинулъ дѣловой тихій городъ,—вернувшись, засталъ лихорадочныя военныя приготовленія.

Настало время познакомить читателя съ двумя моими домочадцами. Благодаря этой четѣ, ея заботливой преданности, я пользовался сравнительнымъ комфортомъ и покоемъ, въ то время, какъ въ другихъ домахъ Льежа царилъ тупой страхъ.

Леонардъ служилъ запальщикомъ въ копяхъ; человѣкъ еще очень молодой, онъ несъ отвѣтственную службу: онъ былъ спеціалистомъ по взрывчатымъ веществамъ, вѣчно сталкивался съ опасностью и съ призраками смерти во всѣхъ ея видахъ, которыми такъ полна жизнь углекопа. Мое маленькое хозяйство вела его жена, чувствительная круглолицая женщина. Она плакала одинъ только разъ во время осады и занятія Льежа, изъ-за отсутствія мужа. Она смѣялась надъ страхами другихъ, но сама изъ предосторожности спала въ погребѣ, даже когда прекратился обстрѣлъ.

Понедѣльникъ, 3-го Августа.

Всю эту недѣлю я не велъ дневника не читалъ газетъ, столько видѣлъ и пережилъ,—что всякій потерялъ бы счетъ времени, поэтому даты мои не могутъ претендовать на точность. Я припоминаю, что какъ-то долго спорилъ съ кѣмъ-то на улицѣ, какой день недѣли былъ 4 дня тому назадъ, пятница или суббота. Въ слѣдующій понедѣльникъ я очень удивилъ германскаго лейтенанта, когда назвалъ день

недѣли. Возвращеніе молящихся съ мессы въ воскресенье, на третій день занятія германцами Льежа, глубоко запечатлѣлось у меня въ памяти. Остальныя даты я долженъ былъ возстановлять уже въ Лондонѣ; эта недѣля такъ полна событіями, что я поймалъ себя на томъ, что хотѣлъ было вставить восьмой день.

Для гражданъ Льежа, понедѣльникъ 3-го августа былъ фактическимъ началомъ войны и осады. Городъ не имѣетъ стѣнъ, такъ что сраженіе шло, все приближаясь къ городу, пока наконецъ 7-го, въ пятницу, городъ не былъ взятъ.

---

*

ГЛАВА VII.

Осада Льежа.

Тотъ, кто былъ причастенъ къ лихорадочнымъ тревожнымъ приготовленіямъ, кто проникся рѣшимостью, охватившей городъ въ первые дни осады, когда всѣ почти мужчины надѣли военную форму и стали подъ ружье, а гражданская милиція почувствовала, наконецъ, что можетъ быть полезной родинѣ, и каждый охотно и съ надеждой исполнялъ свои обязанности, не можетъ ужъ сказать, что жилъ напрасно. Въ воздухѣ стоялъ грохотъ отъ мчавшихся моторовъ и мотоциклетокъ; постановленія относительно скорости передвиженія не соблюдались, неслись моторы, перевозя офицеровъ главнаго штаба, исполняя порученія, разгоняя пѣшеходовъ. Моторы, посылаемые въ опасныя мѣста, сопровождались вооруженными отрядами изъ четырехъ человѣкъ; здѣсь сталкивались различные полки, такъ живописно смѣшивались разныя формы и цвѣта. Слѣдить за моторами было однимъ изъ интересныхъ зрѣлищъ. Безконечной цѣпью тянулись они по бульвару, число ихъ росло и въ одинъ моментъ они исчезали. Здѣсь трудно было встрѣтить традиціонную фигуру храбраго офицера верхомъ на лошади, на по-

добіе конныхъ статуй, образы которыхъ мы привыкли отожествлять съ героями. Деньщики водили офицерскихъ лошадей, однако моторы видимо вытѣсняли ихъ въ военномъ дѣлѣ. Послѣ занятія города германцами я разъ только видѣлъ нѣсколькихъ германскихъ офицеровъ верхомъ на лошади. На полѣ битвы дѣло обстояло, вѣроятно, иначе.

Еще одно странное зрѣлище: со всѣхъ сторонъ сгоняли скотъ. Въ Льежѣ и прилегающихъ къ нему частяхъ долины насчитывали множество ртовъ—большинство рабочіе, лавочники, служащіе, все люди, у которыхъ не бываетъ ни скота, ни своихъ огородовъ, ни другихъ запасовъ. Надо было кромѣ того кормить армію. Вотъ почему вопросъ о продовольствіи города уже въ самомъ началѣ грозилъ обостриться. Сотни коровъ и свиней подвозились къ городу изъ деревень, которымъ раньше другихъ грозила опасность вторженія непріятеля. Недостатокъ въ припасахъ задержалъ успѣхи германцевъ, зато наши войска были застрахованы отъ голода. Бѣдныя коровы сильно пострадали отъ спѣшнаго передвиженія, ихъ пугалъ шумъ и грохотъ, кормили ихъ не досыта и непривычной пищей, доили неаккуратно; съ луговъ и пустырей, куда ихъ согнали, доносилось день и ночь жалобное мычаніе. Много скота простудилось и пало. Поселяне, присматривавшіе за скотомъ, казались на своемъ мѣстѣ среди городской толпы, а та, въ свою очередь изгнанная изъ магазиновъ и конторъ, слонялась по улицамъ. Среди человѣческихъ мученій и тревогъ ревъ скота звучалъ, какъ выразитель мірового страданія въ когтяхъ безжалостной судьбы.

Мы горожане не могли понять, когда окончились приготовленія и перешли къ активной оборонѣ, такъ какъ раньше чѣмъ началось серьезное дѣло, форты производили учебную пальбу. Я узналъ, что, по распоряженію начальства, подожгли деревянные дома, построенные въ мирное время для офицеровъ на зеленыхъ склонахъ фортовъ, и форты обратились въ подземные норы. Хотя пальба шла далеко отъ насъ, на разстояніи многихъ миль, мы скоро научились отличать огонь атакующій отъ защитнаго, учащенную стрѣльбу изъ большихъ орудій въ отвѣтъ на такую же стрѣльбу,—наконецъ, отраженіе атакъ пѣхотой больше всего волновало воображеніе.

Мой пріятель, музыкантъ, былъ свидѣтелемъ ночной атаки съ равнинѣ Брессу; онъ стоялъ на часахъ, пока спалъ гарнизонъ. При холодномъ лунномъ свѣтѣ нѣмцы наступали сомкнутыми рядами, спокойно, какъ на парадѣ. Бельгійскіе развѣдчики подняли тревогу, боясь, что непріятель подойдетъ слишкомъ близко, но вотъ раздался продолжительный залпъ; стрѣляли нѣсколько митральезъ заразъ и атакующіе были убиты всѣ однимъ ударомъ. Такіе залпы раздавались время отъ времени, и мы уже понимали, чего надо ожидать, когда надъ горами раскатывалось глухое продолжительное эхо

Тѣ, кому довелось близко подойти къ фортамъ разсказывали потомъ, что видѣли нѣмцевъ, лежавшихъ кучами вышиной отъ 6 до 7 футовъ. Убитые и раненые были свалены всѣ вмѣстѣ, ихъ было такъ много, что нельзя было установить ни ихъ именъ, ни самаго числа ихъ. Германскіе офицеры обходили кругомъ, разыскивая тѣла своихъ товарищей, при-

нимали на свое попеченіе ихъ документы, деньги и драгоцѣнности. Убитыхъ хоронили по распоряженію приходскихъ бургомистровъ. Нѣмцы лежали грудами отдѣльно отъ бельгійцевъ; часто ихъ складывали въ траншеяхъ, гдѣ они только что бились, засыпали негашенной известью и заливали водой. Потомъ уже ихъ забрасывали землей. Весной будущаго года они ужъ будутъ служить удобреніемъ пробивающейся травѣ. Не было недостатка въ попыткахъ овладѣть золотыми кольцами и часами, какъ это всегда бываетъ на войнѣ; иногда отрубали пальцы и брали ихъ вмѣстѣ съ кольцами. Одинъ старый углекопъ присутствовавшій при этой сценѣ, заявилъ мнѣ, что онъ бы не могъ такимъ способомъ добыть кольцо.

Гарнизонъ одного форта была удивительно малъ: какихъ-то восемьдесятъ человѣкъ, артиллеристы для стрѣльбы на большое разстояніе и пѣхота для отраженія атакъ. Полагали, что достаточно шестнадцати человѣкъ для обороны, чтобы очистить окрестности отъ непріятеля. Говорятъ, они страдали отъ жары, дыма и волненія не меньше, чѣмъ отъ непріятельскихъ атакъ. Я видѣлъ нѣсколько человѣкъ, сражавшихся въ фортахъ въ теченіе многихъ дней. Всѣ они жаловались, что долго не ѣли и не спали, однако, если бы имъ даже предложили пищу, они бы все равно не приняли ея. Оглашая воздухъ рѣзкими криками, они сдерживали непріятельскій натискъ, и вскорѣ непріятель ушелъ. Несмотря на полный упадокъ силъ, они не выказывали и тѣни страха, ни на что не жаловались. Возможно, что мысль ихъ утратила свою гибкость, и они только продолжали пребывать въ томъ нравственномъ со-

стояніи, въ которомъ приступили къ бою. Не измѣняло имъ и чувство дисциплины. Они тащили съ собой пушки, хотя съ трудомъ могли двигаться, и думали только, какъ бы исполнить приказанія и сдѣлать всё, что было велѣно.

Одинъ инцидентъ, разыгравшійся въ самомъ началѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ образомъ слагаются легенды въ осажденныхъ городахъ. Мой сосѣдъ Т. прибѣжалъ къ намъ и разсказалъ о видѣнной имъ перестрѣлкѣ между цеппелиномъ и фортами, о томъ, какъ обстрѣливали цеппелинъ съ аэроплана и какъ произошелъ взрывъ. Онъ самъ видѣлъ, что аэропланъ остался невредимъ. Нѣсколько недѣль спустя, я прочелъ въ газетѣ „Таймсъ“ описаніе того же случая, но уже въ совершенно другой редакціи. Вмѣсто одного германскаго цеппелина корреспондентъ „Таймса“ видѣлъ двухъ бельгійскихъ летчиковъ, которыхъ сперва обстрѣливала германская артиллерія, а потомъ вслѣдъ за ней и оба форта, принявъ ихъ за непріятельскихъ авіаторовъ. Взрывъ шрапнели подъ летчиками Т. принялъ за выстрѣлы съ большого аэроплана, очевидно, вымышленнаго имъ.

Скоро мы перестали вѣрить чему бы то ни было. Когда намъ что-нибудь разсказывали, мы задавали вопросъ: „Вы это сами видѣли?“ Этого было достаточно, чтобъ образумить разсказчика. Люди готовы были ходить по улицамъ, звонить къ незнакомымъ и совѣтовать имъ уходить, такъ какъ де здѣсь опасно. На вопросъ, будетъ-ли въ другомъ мѣстѣ меньше опасности, отвѣта у нихъ не было. Люди, которымъ некуда было дѣваться, бѣжали, роняя на-земь жестянки съ консервами и пакеты съ бутер-

бродами: ихъ гналъ страхъ голода. Одна служанка съ каждымъ днемъ худѣла отъ страха, бѣгала изъ одного дома въ другой, держа за руку ребенка, нагруженная свертками. Погребъ, да еще современной постройки, безъ сводовъ, едва-ли особенно безопасное убѣжище; зато онъ привязываетъ человѣка къ его дому и позволяетъ ему хоть отчасти заниматься своимъ повседневнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ достигается возможность хотя бы физическаго отдыха и чувство безопасности, болѣе цѣнное, нежели самая безопасность.

Если читатель расчитываетъ найти описаніе сраженій или подвиговъ, то его ждетъ разочарованіе: настоящій бой засталъ меня въ постели, которой я не покидалъ за все время боя. Я могу дать только то, что слышалъ и что знаю самъ о странѣ, но это разсказано со словъ другихъ. Во-первыхъ, раздались отдаленные ружейные выстрѣлы, затѣмъ открылъ огонь фортъ Бонсель, но въ этомъ не было ничего новаго. Затѣмъ грохотъ орудій,—при этомъ слышенъ звукъ, напоминающій шумъ отъ нагрузки телѣги тяжелыми камнями для мостовой, которыя въ Бельгіи очень грубы и шумны. Залпы двухъ тоновъ, одинъ ниже, очевидно, винтовокъ пѣхоты, другой выше—ружей конницы. Въ промежуткѣ правильная трескотня пулеметовъ, такая же настойчивая и неутомимая, какъ стукъ иголки въ швейной машинѣ, только гораздо громче. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ у самаго моего дома: задрожали окна. Возможно, что бельгійцы поставили батарею на холмѣ за садомъ и теперь обстрѣливали черезъ рѣку нѣмцевъ, штурмующихъ Бонсель. (Это предположеніе,

между прочимъ, подтвердилось). Сперва выстрѣлы одинъ за другимъ, потомъ маленькій перерывъ. Бой, повидимому, стихаетъ. Опять трескъ, грохотъ орудій. Тишина, нѣсколько залповъ пулемета. Кончилось? Снова короткій трескъ. Опять тихо. Постепенно воцаряется тишина. Завтра мы все узнаемъ. Нѣсколько дней спустя я узналъ отъ германскаго офицера, что недалеко отъ моего дома стояли бельгійскія пушки.

Это правдивый разсказъ о настоящемъ боѣ. Читателю представляется думать о немъ, какъ ему угодно.

Одинъ изъ жильцевъ моего дома замѣтилъ: „они такъ громко палятъ, что мѣшаютъ спать“. Вотъ образчикъ полнаго равнодушія рабочихъ классовъ, не зараженныхъ паникой и не занятыхъ болтовней. Или они прилагаютъ всѣ силы, чтобы понять, но ничто не доходитъ до ихъ сознанія, или же просто отбрасываютъ отъ себя все тревожное, какъ какой-то кошмаръ, и принимаются за свои повседневныя занятія. Безъ сомнѣнія—это самое благоразумное, что могутъ сдѣлать люди, не принимающіе участія въ защитѣ родины.

Если бы мы не были увѣрены въ поддержкѣ англичанъ и французовъ, двухъ народовъ, за которыхъ, собственно говоря, бились наши войска, не удержать бы намъ народъ и войска въ такомъ бодромъ настроеніи. Отъ Льежа до французской границы всего три часа ѣзды скорымъ поѣздомъ, а желѣзнодорожная линія на Парижъ проходитъ подъ моими окнами. Мы прислушивались, не раздастся ли рѣзкій свистокъ локомотива, такъ какъ ожидали съ минуты

на минуту подвоза подкрѣпленій. Ходили слухи о приближеніи французовъ, о томъ, что французы пришли, появленіе француза, разгуливающаго по городу въ военной формѣ такъ, что это било въ глаза, только подтвердило пущенный слухъ. Не было-ли это появленіе — обманомъ, какъ потомъ говорили? Онъ возбудилъ во всякомъ случаѣ надежды, и тѣмъ горше было разочарованіе. Его появленіе вызвало демонстраціи въ честь Франціи, отчего разыгрались страсти взволнованной городской толпы. Всюду продавались и развѣвались трехцвѣтные флаги, улицы были запружены веселой оживленой толпой. Очень возможно, что власти даже поощряли эти демонстраціи, поддерживавшія спокойствіе и надежду въ жителяхъ.

На поддержку Англіи мы не могли надѣяться въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ разстояніе до Англіи больше, чѣмъ до Франціи. Будущимъ историкамъ предстоитъ раскрыть тайну, окутывающую положеніе занятое англійскими войсками въ дѣлѣ защиты Бельгіи. „Англичане въ Ансѣ“, сообщилъ мнѣ желѣзнодорожный служащій незадолго до взятія Льежа. Я отнесся скептически къ его словамъ, такъ какъ вообще не вѣрилъ никакимъ разсказамъ. Но онъ сослался на телеграфиста, будто бы сообщившаго ему, что извѣстный англичанинъ, какое-то офиціальное лицо, встрѣчаетъ войска на вокзалѣ. Я, вообразивъ, что мое знаніе языка можетъ пригодится, помчался на станцію. Ни войскъ, ни англичанина, будто бы встрѣчающаго ихъ. Гдѣ же онъ? Только что уѣхалъ. Гдѣ же они? Покинули поѣздъ въ Тирлемонѣ, на полпути отъ Брюсселя. Я ихъ не видѣлъ,

и потому этотъ слухъ можно сопоставить съ аналогичными разсказами о появленіи британскихъ войскъ подъ Льежемъ.

Тѣ изъ насъ, кто не принадлежалъ къ гражданской милиціи и не могъ служить, поступали въ Красный Крестъ. За время моего пребыванія въ Льежѣ не было недостатка въ кроватяхъ, большинство раненыхъ были бельгійцы, такъ какъ германцевъ не могли такъ скоро подбирать и доставлять въ госпиталь. Автомобили незамѣнимы для доставки раненыхъ въ безопасное покойное мѣсто. Какъ можно было ожидать отъ многочисленнаго гражданскаго населенія большого города, желаніе оказать помощь не всегда совпадало со знаніемъ и опытомъ.

Среди шумныхъ выраженій надежды и толковъ о побѣдахъ я впервые увидѣлъ новую германскую военную форму. По улицамъ шла толпа плѣнныхъ во главѣ съ высокимъ молодымъ рослымъ человѣкомъ и остановилась у входа въ улицу, ведущую къ вокзалу. Мундиры и головные уборы были одного цвѣта у всѣхъ, и только лица выдѣлялись на фонѣ однообразнаго хаки. У нѣмцевъ оно зеленѣе, чѣмъ у англичанъ и потому менѣе красиво. Мѣдное остріе каски, обтянутой какимъ-то матерчатымъ чехломъ, скрывающимъ ея форму, да и самая кожаная каска совершенно пропадаютъ подъ капюшономъ изъ того же матеріала; не видно ничего блестящаго. Офицеровъ и унтеръ-офицеровъ трудно отличить отъ рядовыхъ, если не знать значенія ихъ нашивокъ и кантовъ. Обмундировка была новенькая, и кожаные сапоги, наполовину доходившіе до икръ, имѣли видъ только-что вышедшихъ изъ магазина. Я уже съ дѣт-

ства привыкъ къ разнообразію германскихъ формъ, иногда щеголеватыхъ, но всегда опрятныхъ, и остановился взглянуть на пеструю толпу передо мной.

Съ толпой поравнялись автомобили съ поднятыми англійскими и французскими флагами; сидѣвшія въ немъ дамы встали, чтобы лучше разсмотрѣть побѣжденнаго врага. Германскіе солдаты стихли подъ напоромъ толпы, разглядывавшей ихъ съ любопытствомъ, но безъ всякой вражды. Въ Льежѣ особенно бросался въ глаза контрастъ между казеннымъ хаки современной войны и прежней пышной формой. Старый король Леопольдъ II упорно отказывался ввести какія-бы то ни было измѣненія въ установленную военную форму, прежде, чѣмъ будутъ проведены болѣе существенныя, по его мнѣнію, реформы. Послѣ его смерти предполагались нѣкоторыя измѣненія, но дѣло не пошло дальше подготовительныхъ опытовъ. Въ результатѣ бельгійская армія щеголяла въ мундирахъ такого цвѣта и фасона, который носили 40 лѣтъ назадъ. Я не знаю, было-ли это плохо для нашихъ, но въ сравненіи съ однообразнымъ зеленовато-сѣрымъ облаченіемъ германцевъ, бельгійцы имѣли оригинальный и живописный видъ. Комичнѣе всѣхъ выглядѣли наши егеря съ огромными пиками при крохотныхъ шапочкахъ, въ желтыхъ и зеленыхъ мундирахъ съ развѣвающимися широкими воротниками-капюшонами. Оригинальное зрѣлище представлялъ всадникъ съ корзиной почтовыхъ голубей гонцовъ, пристегнутой къ спинѣ на манеръ ранца.

Голуби безъ устали порхали и бились о внутренность своей плетеной подвижной резиденціи. Голубеводство является весьма распространеннымъ

и любимымъ спортомъ въ Бельгіи, и домашними голубями много пользовались и наши войска, и германскіе развѣдчики.

Никогда еще недостатокъ военной выправки въ народѣ не былъ болѣе ощутителенъ, чѣмъ теперь, при подъемѣ національнаго самосознанія и тревогѣ, вызванныхъ германскими притязаніями по отношенію къ намъ. Мы всѣ стремились быть полезными, съ завистью смотрѣли на нашихъ счастливыхъ солдатъ, знающихъ свое мѣсто и свои обязанности. Но большинство нашего мужского населенія было лишено спеціальнаго руководства и знаній. Болѣе молодые могли записываться въ солдаты, что и наблюдалось въ большомъ количествѣ. Всѣ классы, отъ артистовъ и до простого народа оказались достойными гражданами. Въ лучшемъ случаѣ требовалось шестинедѣльное обученіе близъ Антверпена до отправки на поле сраженія. А мы всѣ сознавали, что этотъ срокъ можетъ стать роковымъ. Всѣ шли одинаково. Нѣкоторыхъ удерживала семья своими опасеніями и слезами. Одинъ мой знакомый, стоящій во главѣ общества электрическаго освѣщенія, не могъ поступить въ солдаты, такъ какъ директоръ общества не могъ обойтись безъ его услугъ. Одинъ сослуживецъ, бывшій офицеръ милиціи, не былъ принятъ, когда онъ предложилъ свои услуги. Возрастной цензъ (до 35 лѣтъ для лицъ безъ военной подготовки и до 45 для бывшихъ солдатъ) исключилъ многихъ, желавшихъ служить.

Добровольцы уходили группами въ 4 ряда въ томъ платьѣ, какое у нихъ было, съ небольшими котомками или узлами. Они кричали древній кличъ

обиженнаго и разъяреннаго животнаго, не какой-либо патріотическій или политическій лозунгъ, но кличъ первобытной ярости самца, вызваннаго на бой: „Да здравствуетъ война!“ Нѣкоторые, будто-бы кричали: „долой нѣмцевъ!“, но мнѣ этого не пришлось слышать. Повидимому, среди народа была мало развита политическая мысль. Война разразилась надъ нами безъ нашего вызова или ожиданія. Хорошо, пусть будетъ война. „Да здравствуетъ война!“ Воодушевленіе охватило даже женщинъ, простиравшихъ руки добровольцамъ и плакавшимъ. Одинъ внезапный порывъ братскихъ чувствъ объединилъ всѣхъ оставшихся выдерживать осаду.

Самымъ трагическимъ примѣромъ крушенія необученной доброй воли при столкновеніи съ внезапной случайностью, является судьба милиціи. Этотъ устарѣвшій институтъ, ведущій свое начало съ года революціи и конституціи, съ 1830 г., является вооруженнымъ корпусомъ изъ тѣхъ гражданъ, которые сами могутъ пріобрѣсти на собственныя средства себѣ мундиръ. Они избираютъ собственныхъ офицеровъ, снабжаются маузеровскими винтовками, несутъ патрульную и караульную службу и поддерживаютъ порядокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда войско занято въ другомъ мѣстѣ. Организація эта, не будучи военной, полна недостатковъ, такъ какъ не обладаетъ обученнымъ командным составомъ съ официальной отвѣтственностью. Милиція оказывалась полезной въ мирное время при рабочихъ безпорядкахъ и мятежахъ, такъ какъ она дѣйствуетъ менѣе сурово, чѣмъ войско, и можетъ обращаться съ толпой съ большимъ терпѣніемъ и тактомъ. Во время осады Льежа ихъ усердіе

было примѣрно, а количество ихъ и вооруженіе должно было сдѣлать ихъ полезными, особенно потому, что добровольцы изъ нихъ могли быть посылаемы на опасныя порученія. Однако, то обстоятельство, что они не солдаты, лишило возможности употреблять ихъ для активной работы. Обязанности ихъ состояли въ стояніи на часахъ на важныхъ пунктахъ желѣзно-дорожныхъ линій, въ охраненіи мостовъ и перекрестковъ дорогъ, въ просмотрѣ паспортовъ въ то время, когда преслѣдованіе шпіоновъ заставило обязать всякаго путешественника въ Бельгіи имѣть при себѣ документы, а также взамѣнъ солдатъ всюду, гдѣ требовались вооруженные люди, т.-е. у тюремъ и военныхъ складовъ. Ихъ высокія круглыя шапки съ красными тульями всюду мелькали между мундирами войскъ. Я даже видѣлъ одного милиціонера, весело сопровождавшаго военный патруль и на вопросъ, куда онъ идетъ, отвѣтившаго: „Я иду вмѣстѣ съ другими“. Но это была лишь дѣтская игра, комическая сторона трагедіи.

Весь этотъ разгаръ патріотизма заставилъ меня устыдится моей безполезности. Я оставался праздным наблюдателемъ въ то время, какъ другіе жертвовали жизнью для нашей защиты. Я рѣшилъ поступить въ милицію, но не могъ сдѣлать этого тотчасъ вслѣдствіе отсутствія мундира.

Когда затѣмъ я получилъ ружье, штыкъ и патроны, я отправился въ мою роту, стоявшую въ школѣ, гдѣ я увидѣлъ молодыхъ адвокатовъ, купцовъ, приказчиковъ, сидящихъ и лежащихъ на чистой соломѣ и пьющихъ воду изъ единственной имѣвшейся у нихъ бутылки, на школьной лужайкѣ. Они выгля-

дѣли несуразно, одни въ растегнутой одеждѣ, другіе въ рубахахъ. Ружья были прислонены къ стѣнамъ. Они ждали новостей, такъ какъ рано утромъ имъ сообщили, что городъ долженъ сдаться и что они должны разоружиться. Затѣмъ, это было опровергнуто, но это нарушило равновѣсіе и дало основаніе для предположеній, сомнѣній и колебаній. Они были въ конецъ деморализованы. Правда, болѣе воспитанные среди нихъ, профессіоналы и лица высшихъ классовъ желали нести свои обязанности до конца, предпочитая ненужную смерть постыдной сдачѣ оружія безъ выстрѣла. Пусть это будетъ предостереженіемъ для людей, которые считаютъ достаточнымъ любить свою родину, не пытаясь научиться въ мирное время защищать ее во время войны!

Всѣ они считали мое поступленіе въ добровольцы совершенно безполезнымъ, и мнѣ ничего не оставалось, какъ подчиниться неизбѣжному и оставить мѣсто, гдѣ я вовсе не былъ нуженъ.

Дальнѣйшая судьба льежской милиціи была весьма печальна. Сперва сто милиціонеровъ были забраны германцами въ качествѣ заложниковъ, подъ угрозой растрѣла ихъ въ случаѣ нападенія со стороны гражданъ. Къ счастью этого не случилось, и меньшее число видныхъ заложниковъ, лицъ солиднаго общественнаго положенія, были взято вмѣсто нихъ. Затѣмъ милиціи велѣли помогать мѣстнымъ полицейскимъ въ поддержаніи общественнаго порядка. И полиція и милиція были безъ оружія и въ штатскомъ платьѣ. Однако, это было терпимо, такъ какъ обязанности ихъ не были постыдными и исполнялись на благо бельгійскихъ гражданъ. Но что было хуже всего для

гражданъ—это обязанность пасти коровъ и свиней. До тѣхъ поръ, пока скотъ принадлежалъ Бельгіи, это представлялось въ смѣшномъ видѣ. Какъ только онъ перешелъ въ руки германцевъ, занятіе это стало невыносимо постыднымъ и тяжелымъ. Пастьба коровъ, представляющаяся довольно занимательнымъ времепровожденіемъ въ хорошую погоду, особенно для любителей чтенія и являющаяся предметомъ гордости для владѣльцевъ хорошаго стада, считается нашими горожанами самымъ низкимъ занятіемъ. Еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ бельгіецъ будетъ вспоминать съ ненавистью, что онъ самъ или кто-либо изъ родныхъ нѣкогда пасъ свиней и коровъ для германской арміи.

Мы всѣ въ городѣ никогда ясно не понимали причинъ и условій этой сдачи, заставшей насъ всѣхъ врасплохъ, такъ какъ мы были увѣрены въ стойкости нашихъ фортовъ и надѣялись на дальнѣйшіе успѣхи. Было сказано, что германцы грозили бомбардировать городъ огнемъ своихъ гаубицъ черезъ форты, въ долину. Угроза эта, по моимъ свѣдѣніямъ, являлась пустымъ хвастовствомъ, такъ какъ разстояніе было черезчуръ велико. Такъ какъ мы знали, что городъ открытъ, мы вообразили, что положеніе фортовъ, пока они держатся, дѣлаетъ нападеніе на насъ невозможнымъ. Однако, въ дѣйствительности, бомбардировка началась, и городъ былъ занятъ въ то время, когда, насколько намъ было извѣстно, форты еще держались. По другой версіи, одинъ изъ фортовъ (Баршонъ) былъ поврежденъ, и нѣмцы заставили его замолчать; еще говорилось, что два сѣверныхъ форта, прикрывавшихъ приближеніе со стороны голландской

границы были какимъ-то образомъ нейтрализованы. Я это привожу, какъ примѣры дикихъ предположеній и выдумокъ, распространившихся въ городѣ въ то время, когда положительныхъ фактовъ не опубликовывалось. Оффиціальная исторія, когда она будетъ написана, покажетъ, насколько эти слухи были основательны.

ГЛАВА VIII.

Двѣ бомбардировки.

Намъ было сообщено, что нѣмцы грозятъ уничтожить городъ, въ который они вошли, если фортамъ, которые они не могли взять штурмомъ или какъ-либо иначе, не будетъ приказано сдаться. Это считалось противорѣчащимъ международному праву, такъ какъ генералъ Леманъ находился въ фортѣ Лонсенѣ, внѣ города и потерялъ возможность командовать надъ городомъ и связи съ нимъ. Ходили слухи, что нашъ бургомистръ (одинъ изъ заложниковъ) былъ отправленъ въ Брюссель просить у короля приказа сдать форты вслѣдствіе угрозы бомбардировать гражданъ. Нѣкоторые были внѣ себя отъ страха. Мы просто сообщили имъ, что они будутъ въ полной безопасности въ своихъ подвалахъ, гдѣ имъ будетъ удобно-затѣмъ, приготовили кровати и тюфяки и пошли спать.

Несчастные съ удивленіемъ узнавали, что не будучи домовладѣльцами, они весьма мало заинтересованы въ томъ, будутъ-ли зданія повреждены или нѣтъ, и я старался подбодрить ихъ напоминаніемъ, что мы лишь наниматели и, что если дома исчезнутъ, то и плата также.

Мои люди были спокойны, полны надежды, въ обыч-

номъ расположеніи духа, быстро исполняли приказанія и всегда готовы пошутить, хотя все же не лишены чувства страха. Служанка сосѣдка, отправившаяся ночевать въ госпиталь Краснаго Креста, получила позволеніе принести свой тюфякъ къ намъ въ подвалъ, который ей казался болѣе защищеннымъ отъ гранатъ, чѣмъ собственный. Во всякомъ случаѣ онъ былъ болѣе гарантированъ отъ паники. Мы занялись музыкой и провели весело вечеръ въ саду. Затѣмъ мы удалились въ наши импровизированныя спальни, казавшіяся намъ очень удобными. Предварительно же мы раскрыли всѣ окна въ домѣ изъ боязни, что стекла разлетятся отъ сотрясенія. Въ виду того, что стрѣльба была направлена въ центръ города, и весьма далеко отъ нашихъ окрестностей, мы нашли, что наше возбужденіе совершенно лишнее. Пока всѣ крѣпко спали, я прислушивался къ звуку гранатъ. Онъ очень походилъ на отдаленный пронзительный вой маленькой собаки, за которымъ слѣдовалъ взрывъ, похожій на трескъ фейерверка. Ни свѣтъ, ни громкій шумъ не достигалъ нашихъ окрестностей, и мы отъ души смѣялись, когда все было кончено. Я не думаю, что бомбардировка длилась долго. Мой пріятель, музыкантъ, жившій въ самомъ центрѣ города и принадлежавшій къ гражданской милиціи, долженъ былъ бодрствовать всю ночь. Онъ видѣлъ, какъ гранаты падали внизъ на насыпь рѣки и, разрываясь, разсыпались огненнымъ дождемъ, и не могъ оторваться отъ поразительнаго зрѣлища.

Когда я отправился осматривать слѣды разрушенія въ городѣ, я увидѣлъ, что самое трагическое впечатлѣніе производятъ разрушенія наноси-

мыя пушечными снарядами. Окна были разбиты вдребезги, стѣны были разрушены (я полагаю, шрапнелью), а тамъ, гдѣ гранаты подожгли постройки, крыши были снесены и виднѣлись черныя дыры выгорѣвшихъ оконъ. Говорили, что будто бы въ городѣ имѣлись раненые, однако ночевка въ подвалѣ оказалась столь безопасной мѣрой, что всѣ къ ней прибѣгали. Допустимъ, что эта мѣра была полезна постольку, поскольку она служила для успокоенія трусливыхъ, но это уже было весьма важно, такъ какъ страхъ смерти хуже самой смерти, онъ охватываетъ многихъ, тогда какъ смерть поражаетъ нѣсколькихъ. Ни на одной улицѣ не было разрушено болѣе одного или двухъ домовъ. Очень живописный видъ представляло пострадавшее большое каштановое дерево въ скверѣ: оно стояло въ ямѣ, обнаженное снизу, тогда какъ его верхушка оставалась покрытой свѣжей зеленой листвой.

Оправившись отъ первой бомбардировки, мы уже смѣялись во время второй, рѣшивъ, если будетъ страшно, ночевать въ подвалахъ. Послушавъ немного привычный вой и грохотъ, мы пошли спать и провели ночь спокойно. Во время сраженія я ни разу не слышалъ такого звука, который можно было бы сравнить съ ударомъ грома, а даже ударъ грома не страшенъ для здоровыхъ людей. Наибольшей опасностью во время бомбардировки является суевѣрный страхъ, который возникаетъ и во время грозы.

Страхъ есть такое чувство, котораго не испытать невозможно. Послѣ бомбардировки мы, конечно, много разъ толковали на эту психологическую тему. Многіе изъ насъ сознавали, что испытывали чисто физиче-

скій страхъ, который однако не проникалъ глубоко въ душу. Многіе допускали, что пугались при видѣ разрывающихся гранатъ или при появленіи непріятеля; однако они были непоколебимы въ своемъ рѣшеніи оставаться на посту и исполнять свой долгъ до конца. Насколько мнѣ удалось подмѣтить самое непринужденное и естественное пренебреженіе опасностью проявляли старые люди низшихъ классовъ, бывшіе не разъ на краю смерти, вслѣдствіе своего образа жизни и тяжелыхъ условій существованія.

Многія воспоминанія о войнѣ 1870 года вновь воскресли въ ихъ памяти, хотя тогда Бельгія не принимала активнаго участія въ войнѣ. Ей приходилось охранять границы, защищать свой нейтралитетъ и разоружать воюющихъ, которые попадали случайно на ея территорію. Старые рабочіе намъ разсказывали, какъ они стояли на своихъ постахъ и слушали грохотъ пушекъ сраженія подъ Седаномъ. Своимъ прекраснымъ расположеніемъ духа и безстрашіемъ они дѣйствовали ободряющимъ образомъ на трусливыхъ. Зажиточные люди болѣе изнѣжены, но ихъ меньшая выносливость замѣняется большей сознательностью, можетъ быть, и привычкой къ самоанализу, что принуждаетъ ихъ вести себя съ достоинствомъ.

Переживанія Леонарда, съ которымъ у меня во время осады установились болѣе близкія отношенія, были скорѣе эмоціоннаго характера, между тѣмъ какъ у меня, человѣка науки, они были скорѣе разсудочнаго свойства. Онъ разсказывалъ мнѣ случаи, когда онъ находился на краю могилы, лицомъ къ лицу со смертью. Однажды ему пришлось пройти разстояніе почти въ четыре мили по подбородокъ въ

водѣ, а когда потухли лампы, ему пришлось держаться за проходившую надъ головой вентиляціонную трубу, чтобы оріентироваться въ темнотѣ. Въ другой разъ онъ едва не умеръ отъ удара копыта лошади, а еще разъ упавшій огромный грузъ угля чуть его не придавилъ. Чѣмъ же теперь рисковали мы, мирные граждане, въ сравненіи съ тѣмъ рискомъ, которому подвергается рабочій ради нѣсколькихъ франковъ поденнаго заработка?

Женщины, которыя въ мирное время не боятся ни смерти, ни страданій, смѣло идутъ на рискъ родовъ, въ военное время теряютъ свою храбрость и даже не претендуютъ на нее. Жена одного стараго фермера сказала мнѣ: „Въ прошломъ году я была близка къ смерти и неособенно безпокоилась, но теперь, мнѣ кажется, я боюсь смерти“. Однако она понимала, что въ данное время не было дѣйствительной опасности. Этотъ инстинктивный страхъ полуинтеллигентныхъ людей часто сочетается съ полнымъ пренебреженіемъ къ элементарнымъ мѣрамъ предосторожности. Передъ одной изъ бомбардировокъ я крикнулъ поспѣшно сосѣдямъ: „Снесите ваши постели въ подвалъ, сегодня будутъ бомбардировать городъ“. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать, какъ имъ было сказано, и застраховать себя отъ опасности, они не двинулись съ мѣста, и сосѣдъ, наконецъ, сказалъ: „Не кричите такъ, вы пугаете мою жену“. Очевидно, онъ былъ правъ, но отчего же не снести тюфяки въ подвалъ?

Такую же безпечность проявила и вышеупомянутая жена фермера. Чтобы подбодрить ее и ея служанку, дюжую деревенскую дѣвушку, которая тряс-

лась какъ осиновый листъ, я попросилъ разрѣшенія осмотрѣть ихъ погребъ и заявилъ, что это самый лучшій и безопасный сводчатый подвалъ во всей Европѣ. „Ладно,—сказала старуха,—я не желаю сносить внизъ свой тюфякъ, я просижу на порогѣ въ креслѣ всю ночь“. Такимъ образомъ онѣ лишили себя сна и стали еще нервнѣе.

Главной причиной страха являлась полная неосвѣдомленность нашихъ горожанъ относительно правилъ веденія войны, правъ и обязанностей мирныхъ гражданъ. Они были незнакомы съ этими вопросами въ такой же мѣрѣ, какъ средній англичанинъ или американецъ, живущій въ безопасности на своемъ берегу океана и не нуждающійся въ знакомствѣ съ техникой сдачи города, оккупаціи и военнаго положенія. Тѣ изъ насъ, кто былъ знакомъ съ этими вопросами, должны были объяснять своимъ сосѣдямъ, что германская армія представляетъ собой строго дисциплинированное собраніе людей, находящихся въ полномъ повиновеніи у своихъ офицеровъ. Мы объясняли имъ, что мирные жители не имѣютъ права вмѣшиваться въ военныя дѣйствія, но зато жителямъ нельзя причинять ни вреда, ни обидъ. Мы ободряли ихъ, обѣщая имъ хорошее обращеніе со стороны оккупаціонной арміи, на которое мы сами не могли надѣяться. Къ несчастью, наши деревенскіе жители, возбужденные нашествіемъ на ихъ страну, совершили ужасную ошибку, стрѣляя въ непріятеля, не будучи солдатами и вызвали этимъ немилосердныя репрессіи по отношенію къ себѣ и къ сосѣдямъ. Ходили слухи о сожженныхъ домахъ, о разстрѣливаніи женщинъ, объ убійствахъ цѣлыхъ семействъ. Что

намъ бельгійцамъ оставалось дѣлать, какъ только совѣтовать молодымъ людямъ поступать на службу въ войска и рекомендовать остальнымъ соблюдать спокойствіе и подчиняться неизбѣжному?

Много страданія доставляла мнѣ, и особенно остро—невозможность предугадать вѣроятное теченіе и послѣдствія событія, не поддающагося человѣческому предвидѣнію и могущаго быть выясненнымъ лишь постепенно. Эти добрые люди ничего не знали объ этихъ страданіяхъ, потому что никогда не заглядывали впередъ, думая лишь о чисто физическомъ рискѣ каждаго даннаго дня. Возможность голода и нужды въ отдаленномъ будущемъ, экономическія послѣдствія этой войны на всемірномъ рынкѣ, чрезвычайно тяжелыя коммерческія условія, необходимыя соціальныя и финансовыя компенсаціи впослѣдствіи, страданія, которыя предстояло пережить несчастнѣйшей изъ всѣхъ націй—вотъ мысли, не тревожившія народа, но не дававшія мнѣ покоя, которыя я пытался обдумать и рѣшить собственными силами.

„Вы слишкомъ много думаете, сударь“,—говорилъ Леонардъ, глядя на меня съ любовью. Затѣмъ онъ вспоминалъ разсказы и шутки, которыя иногда вызывали улыбку на моемъ лицѣ. Такія попытки развеселить меня были особенно трогательны, такъ какъ я все больше и больше сознавалъ, какая глубокая пропасть отдѣляетъ образованнаго человѣка отъ добраго, мягкосердечнаго, но мало задумывающагося и живущаго лишь сегодняшнимъ днемъ народа, съ которымъ мнѣ такъ внезапно пришлось войти въ тѣсное соприкосновеніе.

ГЛАВА IX.

Капитуляція.

Въ четвергъ, 6-го августа, утромъ произошло единственное событіе этой кампаніи, очевидцемъ котораго мнѣ привелось быть. Звонокъ у подъѣзда созвалъ насъ всѣхъ передъ завтракомъ.

„Здѣсь опасно оставаться. Вы должны уходить отсюда".

„Кто вамъ это сказалъ".

„Если это говоритъ кавалеристъ, мы должны слушаться".

Мы запаковали нашъ завтракъ въ чемоданъ, роздали все молоко кошкамъ, заперли двери на ключъ и пошли подъ дождемъ, капавшимъ на наши зонтики. Куда? Все равно, куда. Вверхъ по дорогѣ. Навстрѣчу бѣжала женщина, вода лилась ручьями съ ея волосъ.

„Почему вы идете по этой дорогѣ?"

„Меня предупредили, что наверху опасно".

Начиналась паника. Тѣ, что были на холмѣ, шли внизъ, а бывшіе внизу, бѣжали вверхъ. Въ ближайшемъ домѣ, представлявшемъ собою одновременно и ферму и сторожку, мы думали, наконецъ, найти убѣжище отъ дождя, причинявшаго намъ больше вреда, чѣмъ германская армія, и получить возможность поѣсть. Я постучался.

„Вы германцы?“—спросилъ голосъ изнутри.

„Сударыня“,—отвѣтилъ я, — „я проходилъ мимо вашего дома ежедневно въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ и вы могли бы знать, кто я“.

„Да, но вы нѣмецъ?“

„Нѣтъ“.

„Хорошо, я видѣла, какъ вы разговаривали съ докторомъ; войдите“.

Добрая дама была увѣрена, что ни одинъ нѣмецъ не можетъ разговаривать съ нашимъ пріятелемъ — докторомъ, но хотя я зналъ, что она глубоко ошибается, я вошелъ и взялся за приготовленіе бутербродовъ и раздачу провизіи. Когда она стала довѣрчивѣе, она предложила намъ кофе. Ея мужъ, казавшійся не слишкомъ храбрымъ, радовался, что свѣжіе люди своими шутками подбодрили его жену. Мы представляли собою весьма смѣшанную компанію: осторожный фермеръ, пожилой, молчаливый человѣкъ, его жена, добродушная женщина, къ сожалѣнію, чрезчуръ напуганная германцами, и служанка, крѣпкая молодая дѣвушка, которая тряслась и почти теряла сознаніе отъ страха. Когда ее спросили, чего она боится, она отвѣчала подобно многимъ женщинамъ: „Я не знаю“, и наши старанія объяснить ей, что германцы не сражаются ни съ мирными жителями, ни съ женщинами, не производили на нее никакого впечатлѣнія.

Лишь одинъ старый фламандскій чернорабочій сожалѣлъ, что онъ уже не молодъ и не служитъ въ солдатахъ, какъ въ 1870 году, и дѣлалъ видъ, что наводитъ воображаемое ружье, какъ школьникъ играющій въ солдаты.

Вдругъ бельгійскія пушки потянулись по дорогѣ. Это было отступленіе бельгійской арміи, занимавшей долину Ведра. За артиллеріей ѣхалъ отрядъ конницы. За ними слѣдовало нѣсколько стрѣлковъ по сторонамъ дороги, охраняя подъемъ на гору.

Солдаты взяли хлѣбъ и шли, пожевывая его. Одинъ маленькій стрѣлокъ предлагалъ остановиться и стрѣлять по непріятелю, котораго мы никогда не видѣли, но котораго недавно преслѣдовали. „Нѣтъ, намъ данъ приказъ отступать!“; они скрылись за холмомъ.

Много бельгійцевъ проходило въ теченіе дня, истощенные боями, но твердые духомъ. Ихъ ранцы стали для нихъ слишкомъ тяжелы, и они ихъ бросали по дорогѣ.

Позади огрубѣлыхъ, краснолицыхъ крестьянъ и фермеровъ шли двое блѣдныхъ и истощеныхъ молодыхъ людей, очевидно студентовъ, поддерживавшихъ другъ друга и совершенно неспособныхъ продолжать путь. „Нельзя-ли вамъ немного отдохнуть въ моемъ домѣ?“

Они совершенно не сознавали, какому риску они подвергались, отставая отъ другихъ. Я спросилъ болѣе сильнаго изъ нихъ, не могу-ли я имъ предложить немного отдохнуть. Онъ удивленно поднялъ брови, но такъ какъ юноши почти падали отъ усталости, я помогъ имъ обоимъ пройти черезъ садъ и положилъ на свою кровать.

„Хотите ѣсть?“—„Нѣтъ!“

„Пить?“—„Нѣтъ, только спать!“

Такъ они лежали въ теченіе двухъ съ половиною

часовъ, и никакая пальба не могла бы ихъ разбудить.

Я отправился внизъ, къ станціи, и услышалъ, какъ одинъ офицеръ просилъ горожанина проводить его солдата на фортъ Лантенъ и собрать ихъ, какъ можно больше, чтобы только они не попали въ плѣнъ къ германцамъ. Мнѣ стало ясно, что мои юноши должны сейчасъ же отправиться дальше. Я побѣжалъ домой, растолкалъ, одѣлъ ихъ, потащилъ, захвативъ ружья, на станцію и передалъ на попеченіе унтеръ-офицера, обѣщавшаго ихъ проводить. Многіе такимъ образомъ избѣжали плѣна. Другіе остались и были взяты въ плѣнъ.

Вся дорога была усѣяна оружіемъ, сумками и военной амуниціей, брошенной солдатами при отступленіи. Все это быстро было подобрано и увезено городскими мусорщиками, и нашъ склонъ холма вновь принялъ свой обычный идиллическій видъ.

Всѣ эти признаки пораженія не охладили пыла болтуновъ, которые продолжали обсуждать тяжелыя потери, претерпѣваемыя германской арміей, и хвастаться наши прошедшими и будущими успѣхами и побѣдами. Вечеромъ принесли печатную прокламацію отъ нашего бургомистра. Въ ней давались инструкціи бельгійскимъ властямъ и гражданамъ относительно ихъ положенія и поведенія въ случаѣ занятія иностранными войсками части нашей территоріи. Другого какого-либо формальнаго заявленія о сдачѣ не было сдѣлано. Мы взглянули на нашъ мостъ, — еще не взорванъ. Не разрушатъ ли его завтра?

„Они проходятъ!“ вотъ первая вѣсть, которую мы

услышали въ пятницу, 7-го Августа. Мои обязанности кончились. Я не могъ принести пользы своей странѣ, и теперь мой долгъ былъ — привести мой домъ въ надлежащій порядокъ и отправиться къ своей семьѣ въ Брюссель. Но до того, я долженъ былъ показать своимъ домочадцамъ, какъ держаться въ этомъ необычномъ положеніи. Я повелъ Леонарда внизъ къ рѣкѣ и дальше, до моста Бовери, по сторонамъ котораго выстроились нѣмецкіе часовые. Все это были еще совсѣмъ молодые люди съ толстыми щеками, со спокойной манерой держать себя; всѣ были одѣты въ одинаковую зеленовато-желтую форму, и только сверкающіе штыки придавали имъ воинственный видъ. Я заговорилъ съ однимъ изъ нихъ, на видъ совсѣмъ школьникомъ, въ очкахъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Мы никому не причиняемъ вреда, мы хотимъ только пройти черезъ вашу страну“. Немногочисленной публикѣ, державшейся очень тихо, разрѣшено было переходить мостъ по одиночкѣ.

Въ короткій промежутокъ времени между отступленіемъ бельгійцевъ и германской оккупаціей, наша полиція носила штатское платье, и никто, повидимому, не былъ отвѣтственъ за общественный порядокъ. Поразительно, что никто не воспользовался этимъ для грабежа или какихъ-либо другихъ актовъ насилія. Единственный случай попытки присвоенія чужой собственности, насколько мнѣ извѣстно, заключался въ томъ, что какой-то мальчикъ искалъ фруктовъ въ покинутыхъ въ нашихъ мѣстахъ садахъ. Одна дама, больше всего заботившаяся о безопасности своего только что выстроеннаго дома спросила маль-

чика когда онъ спускался съ холма, не замѣтилъ ли онъ чего-либо, подразумѣвая, конечно, батареи, ящики со шрапнелями и другіе разрушительные снаряды „Нѣтъ“, — признался мальчикъ, — „я искалъ грушъ и не могъ найти ни одной“.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ городѣ, скотъ сталъ менѣе шумливъ. Каждый день околѣвало извѣстное число головъ, остальныя же бродили по полю, печально мыча. Часть ихъ убѣжала раньше, чѣмъ нѣмцы завладѣли ими, и всякій желающій могъ забрать ихъ. Скотобойня весьма разумно перебила возможно большее количество скота и распредѣляла мясо безвозмездно между бѣднѣйшимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, уменьшили, по крайней мѣрѣ, на короткій промежутокъ времени ужасъ голода, сопряженный съ войной.

Я излагаю всѣ эти событія въ такомъ же безпорядкѣ, въ какомъ они доходили до моего свѣдѣнія, такъ какъ нѣтъ возможности дать логически послѣдовательный перечень всего, когда слухи и факты слѣдовали одинъ за другимъ съ такой поспѣшностью и въ такомъ безпорядкѣ.

Днемъ я видѣлъ, какъ нѣмцы заняли желѣзнодорожную станцію, гдѣ они нашли цѣлый санитарный поѣздъ, около двадцати паровозовъ и большіе запасы, оставленные нашей арміей. Нашимъ желѣзнодорожнымъ служащимъ приказано было оставаться въ распоряженіи германскихъ властей, но за время моего пребыванія тамъ имъ ни разу не пришлось обслуживать нѣмцевъ.

Бельгійцы, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, говорили мало, но горе и гнѣвъ по поводу

того торжества грубой силы были всеобщими. Будучи лишены газетъ, мы ничего не знали о томъ, что творится во внѣшнемъ мірѣ, да мы и не слишкомъ заботились о томъ. Насъ не трогало, что дѣлаютъ Россія или Англія. Мы были въ Льежѣ, и были побѣждены. Осажденный городъ заключаетъ въ себѣ самомъ весь міръ, и судьба его представляется ему началомъ и концомъ всей исторіи. По всей вѣроятности, и стойкость, съ которой каждый солдатъ борется, отстаивая свою маленькую пядь земли, вытекаетъ изъ подобнаго-же суженія понятій и чувствъ.

Неграмотные классы, жизнь которыхъ всегда вращается въ узкомъ кругу, повидимому не страдаютъ отъ того, что такъ отрѣзаны и отгорожены отъ внѣшняго міра, но для тѣхъ, кто привыкъ къ чтенію и путешествіямъ, также положеніе становится невыносимымъ.

Въ субботу 8-го Августа, подъ вечеръ, я, вдругъ, увидѣлъ моего коллегу, г-на Н., историка, печально идущаго по улицѣ. Встрѣча эта показалась намъ, какъ-бы пробужденіемъ отъ какого-то кошмара. Онъ провелъ всѣ эти ночи въ погребѣ у одной перепуганной дамы, которая хотѣла имѣть возможно больше народу въ сосѣднихъ съ нею комнатахъ, пока вокругъ раздавались взрывы гранатъ. Теперь онъ встряхивалъ съ себя эту атмосферу неразумнаго ужаса, въ который онъ былъ поверженъ все время. Вотъ тутъ-то намъ представился случай разсматривать исторію въ процессѣ ея формированія! Онъ приводилъ взгляды людей науки, бельгійцевъ и нѣмцевъ, на текущія задачи. Одинъ берлинскій историкъ объяснялъ ему, что Бисмаркъ не завер-

шилъ объединенія Германской имперіи и что владѣнія лежащія внѣ ея, которыя когда-то принадлежали имперіи, должны быть опять присоединены къ ней. Подобную аргументацію, представляющую просто отклики давно умершаго прошлаго и не имѣющую никакого обоснованія въ нуждахъ нашего времени, мы оба признали весьма малоцѣнной.

Оставался неопровержимый фактъ, что династія Гогенцоллерновъ, полагаясь на свое военное могущество, всегда имѣла въ прошломъ успѣхъ и часто при страшнѣйшемъ неравенствѣ силъ. Исторія показала, заявилъ мнѣ историкъ, что смѣлое наступленіе часто даетъ успѣхъ. Въ такомъ духѣ мы продолжали нашу бесѣду, облегчая свой умъ общими мѣстами фельетоннаго мышленія, и воспоминаніями, почерпнутыми изъ книгъ, а то обстоятельсто, что историческая наука была для насъ обоихъ воплощена въ живыхъ людяхъ, давало возможность дополнять всѣ разсужденія самостоятельными штрихами. Мы нашли, что наши отечественные историки грубо ошибались въ своей оцѣнкѣ настоящаго положенія. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ со связями по всему свѣту и съ большой эрудиціей, былъ вполнѣ увѣренъ, что германскій императоръ не станетъ воевать, а, если война, все-же, начнется, то не будетъ вторгаться въ нашу страну. Такова мудрость ученыхъ!

Я постоянно соприкасаюсь съ писателями и профессорами и имѣлъ много случаевъ испытывать ихъ способность предугадывать близкія политическія событія. Каждый разъ я неизмѣнно убѣждался, что они дѣлаютъ такія-же грубыя ошибки, какъ и первый встрѣчный.

Разговоръ нашъ перешелъ на тему о будущемъ нашей маленькой родины. Предположимъ, насъ заставятъ вступить въ союзъ съ Германіей или занять вассальное положеніе по отношенію къ ней, какъ должны тогда поступать наши чиновники? Присягнуть своему новому господину, какъ присягали мы своему собственному правительству? Эмигрировать? Людямъ, которые должны поддерживать свою семью, не остается выбора. Но даже если бы они и подчинились, весьма возможно, что ихъ услуги не были бы приняты за незнаніемъ нѣмецкаго языка. Англичанинъ - островитянинъ можетъ подивиться возникновенію такихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе они естественно вытекали изъ событій и обстоятельствъ.

Пока мы разговаривали, широкая долина, загроможденная разными зданіями, все такъ же разстилалась внизу подъ нами, и какъ всегда весело сверкала знакомыми переливами рѣка въ промежуткахъ между мостами, а надъ головой щебетали пташки. И мы снова повторили столь часто слышанную въ теченіе недѣли сентенцію: „Какъ добра и мила природа, тогда какъ человѣкъ занимается своимъ старымъ, какъ міръ, ремесломъ истребленія своего ближняго!“ Затѣмъ, говорили о томъ, что читали, и о чисто профессіональныхъ интересахъ, какъ будто не произошло никакихъ другихъ войнъ, кромѣ тѣхъ, что упоминаются въ книгахъ и излагаются въ аудиторіяхъ.

Воскресенье, 9-го Августа.

Мы быстро оправляемся отъ нервнаго напряженія предыдущихъ дней и чувствуемъ потребность въ новыхъ идеяхъ и обществѣ свѣжихъ людей. Улицы

*

Льежа запружены войсками. Повсюду, на возахъ съ аммуниціей и оружіемъ стоятъ и лежатъ солдаты; полевыя кухни работаютъ на всѣхъ парахъ. Все снаряженіе и орудія войскъ можно свободно осматривать. Все совершенно новенькое, и сами солдаты находятся въ прекрасномъ состояніи. Они не кажутся ни запыленными, ни грязными послѣ всѣхъ походовъ и сраженій,—можетъ быть, потому, что цвѣтъ хаки ихъ одежды такъ близко подходитъ къ цвѣту грязи.

Посреди этой воинственной картины, изъ сосѣдней церкви выходятъ по окончаніи обѣдни молящіеся. Двѣ служанки проходятъ съ молитвенниками въ рукахъ, между рядами солдатъ, застѣнчиво хихикая подъ взглядами молодыхъ людей, которые ухмыляются и кивaютъ имъ головой. Быть можетъ, братья и возлюбленные этихъ дѣвушекъ лежатъ уже мертвыми, сраженные этими самыми нѣмцами. Въ этотъ день Господенъ [1]) опять мы находимъ за работой эти два древнихъ языческихъ божества: Марса—Разрушителя и Венеру—Созидательницу, все такихъ-же грубыхъ, какими ихъ изобразилъ столько вѣковъ тому назадъ Лукрецій. Я не могъ удержаться отъ содроганія...

Понедѣльникъ, 10-го Августа.

Хозяинъ Леонарда приказалъ ему вернуться обратно на угольныя коци. Ему необходимъ пропускъ, такъ какъ вблизи нашего дома поставлены батареи. Часовой отправляетъ насъ къ сержанту, сержантъ къ лейтенанту.

Это единственный случай для меня изобразить

---

[1]) Воскресенье.

прусскаго офицера съ его наилучшей стороны. Онъ не могъ дать просимаго разрѣшенія; затѣмъ, онъ попросилъ позволенія умыться у меня въ домѣ. Мы вскорѣ съ нимъ разговорились; онъ расхваливалъ мои георгины; постепенно перешли на политическія темы, и тутъ онъ выказалъ себя безпристрастнымъ человѣкомъ со свѣтлымъ умомъ. Сначала онъ, повидимому, склоненъ былъ находить, что Бельгія должна была разрѣшить ихъ арміи пройти по своей территоріи, но скоро онъ согласился, что наша точка зрѣнія была законна. Что касается сопротивленія, оказаннаго нашими бѣдными солдатами, то здѣсь онъ ничего, кромѣ похвалъ, не могъ сказать. Но онъ нѣсколько разъ жаловался на нападенія нашихъ гражданъ на нѣмецкихъ военныхъ, и мнѣ пришлось объяснить ему, что нашему народу совершенно не были извѣстны правила веденія войны. Мнѣ пріятно было узнать отъ него также, что учащіе всѣхъ степеней являются патріотическими храбрыми борцами. Наконецъ, мы разстались со взаимными добрыми пожеланіями: свободы Бельгіи и личнаго благополучія ему. Разставаясь, онъ обѣщалъ ради меня хорошо обходиться съ бельгійцами.

ГЛАВА X.

Германская оккупація.

Вслѣдъ за взятіемъ Вервье, начальникъ германскаго отряда выпустилъ возваніе къ жителямъ, въ которомъ обѣщалъ пощадить ихъ личности и имущество, платить за всѣ товары, которые понадобятся для войска золотомъ, напоминая имъ, что бельгійцы и германцы вмѣстѣ сражались при Ватерлоо.

Подобной прокламаціи въ Льежѣ издано не было. Всѣ публикуемые документы, всѣ обращенія къ населенію начинались заголовкомъ „По приказу германскихъ военныхъ властей“ и подписывались бургомистромъ. Въ обезпеченіе мирнаго поведенія мѣстнаго населенія были взяты заложники; гражданская милиція была распущена. Вышелъ приказъ объ отобраніи оружія: ношеніе его каралось смертной казнью. Я нѣсколько затруднился исполнить это требованіе, тѣмъ болѣе, что узналъ объ этомъ лишь на слѣдующій день. Побѣжалъ домой, чтобы убрать маленькій револьверъ, и тутъ увидѣлъ германцевъ, хозяйничавшихъ въ сосѣднемъ домѣ. Стараясь не производить шума, я разобралъ на части револьверъ, выбросилъ всѣ винты, замки, ложе, порохъ на сосѣдніе участки Меня томила одна мысль: „А что, если меня найдутъ и разстрѣляютъ?“

Такія переживанія неизбѣжны на войнѣ, самые крѣпкіе нервы не выдерживаютъ ихъ натиска, но волненіе проходитъ, оставляя щекочащее воспоминаніе... Я не берусь опровергать сообщеній англійскихъ газетъ относительно германскихъ звѣрствъ, но не могу не отмѣтить, какъ очевидецъ, что всѣ офицеры и солдаты, которыхъ довелось встрѣчать въ Льежѣ, вели себя, за исключеніемъ одного, кажется, случая, вѣжливо и корректно. Куда дѣвались грубыя голоса мундирныхъ пруссаковъ, ихъ властная и вызывающая менера, которой они зарекомендовали себя? Говорили и вели себя мягко, извинялись за причиненныя безпокойства, утверждая, что только хотѣли пройти и больше ничего. Былъ данъ строгій приказъ держать себя, какъ можно привѣтливѣе; было, очевидно, что завоеватели старались произвести самое пріятное впечатлѣніе на жителей, и это выполнялось съ рѣдкимъ умѣніемъ.

Было нѣчто забавное въ попыткѣ надѣть бархатную перчатку на желѣзную руку. Велѣли открыть магазины, чтобы городъ обрѣлъ свой обычный видъ. Къ сожалѣнію, никто ничего не покупалъ. Германцы въ формѣ покупали на рынкѣ овощи по высокой цѣнѣ, изъясняясь на отличномъ французскомъ языкѣ. Заходили въ кафэ, въ табачныя лавки, въ рестораны, тратили деньги, пытаясь оживить торговлю. Но кромѣ нихъ, тамъ не было публики. Велѣли пустить трамвай, трамвай пошелъ, но никто на немъ не ѣздилъ. Однимъ словомъ, германцы могли сдержать своихъ солдатъ силой своей дисциплины, но заставить забыть насъ бельгійцевъ несчастную участь города было выше ихъ силъ.

Мнѣ не разъ ужъ задавали вопросъ о численности германцевъ въ Льежѣ. Въ городѣ циркулировалъ слухъ о малочисленности непріятеля, царила увѣренность, что владычество ихъ недолговременно.

Трудно было установить число германцевъ, тѣмъ болѣе, что ихъ размѣстили въ самыхъ большихъ общественныхъ зданіяхъ, частныхъ домахъ, казармахъ, школахъ, дворахъ и монастырахъ, очевидно, чтобы не разобщать солдатъ и облегчить поддерживаніе среди нихъ дисциплины.

Утомленіе долгими переходами, жалобы на недостаточное питаніе походной жизни—все это не мѣшало имѣть германцамъ цвѣтущій упитанный видъ: ихъ полныя щеки свидѣтельствовали о заботахъ и хорошемъ уходѣ, которымъ они пользовались до войны. Большинство были молоды; несмотря на это, ихъ, повидимому, назначали на передовыя позиціи, въ опасныя мѣста. Здѣсь сошлись нѣмцы со всѣхъ концовъ Пруссіи; въ каждомъ полку были представители всѣхъ провинцій.

Городъ охраняла полиція. Въ центральныхъ мѣстахъ установили было пулеметы, такъ что малѣйшее покушеніе жителей произвести безпорядки было-бы подавлено самымъ энергичнымъ образомъ. Но скоро ихъ убрали; мѣстная полиція и гражданская милиція продолжали оставаться невооруженной; германскіе солдаты стали разъѣзжать по улицамъ на велосипедахъ, за ними молча слѣдили бельгійцы, отважившіеся выйти на улицу.

Въ полдень состоялся парадъ всего большого германскаго отряда, квартировавшаго въ зданіи суда, гдѣ, повидимому, остановился и одинъ изъ прусскихъ

принцевъ. Мнѣ удалось присутствовать на парадѣ. Онъ протекалъ безъ педантичной аккуратности, столь характерной для нѣмецкихъ парадовъ: солдаты съ трудомъ выравнивали линію.

Зато „пѣтушиный шагъ“ (Hahnenschritt) офицеровъ (выбрасываніе голеней, не сгибая колѣнъ) былъ великолѣпенъ.

Въ Льежѣ нечего было дѣлать. Трудно было заняться чтеніемъ, когда вокругъ стояли громъ войны и шумъ болтовни. Поѣзда не ходили, почтамтъ былъ закрытъ и не функціонировалъ; впервые мы почувствовали себя отрѣзанными отъ остальной Бельгіи, увидѣли себя плѣнниками германцевъ. Къ моему удивленію, оказалось, что сообщеніе съ Брюсселемъ поддерживается черезъ станцію Ансъ по ту сторону Льежа, что здѣсь ежедневно пробѣгаютъ паровозы и поѣзда.

Рано утромъ 11-го августа мы двинулись въ путь, обходя траншеи и баттареи. По улицамъ былъ разставленъ караулъ, группы солдатъ находились подъ наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ и часовыхъ. Мы прошли впередъ, ожидая, что насъ сейчасъ окликнутъ и вернутъ назадъ. Передъ глазами мелькали все время зеленовато-желтые каски и штыки, къ которымъ мы уже присмотрѣлись, выступали надъ изгородью и надъ извивами полотна. Вокругъ стояли углекопы съ семьями и что-то показывали другъ другу. Внезапно мы столкнулись съ маленькой кучкой людей, толпившейся около носилокъ.

„Бѣдняга! За что они его разстрѣляли?“

„Онъ пошелъ за кормомъ для кроликовъ. Часовой крикнулъ: „стой!“ Онъ испугался и побѣжалъ“.

„Что? Онъ убитъ наповалъ?“.—„Да“.

Я предупредилъ моего товарища не вмѣшиваться въ разговоръ, а если прикажутъ остановиться, поднять руки вверхъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше касокъ, штыковъ, тѣмъ больше часовыхъ. Наконецъ насъ вернулъ часовой, онъ былъ съ бородой и испуганнымъ лицомъ. Уйти нѣтъ возможности.

„Нѣтъ, есть!“, сказалъ желѣзнодорожный служащій. „Надъ вокзаломъ господствуетъ фортъ Лонсенъ, германцы не осмѣливаются къ нему подходить. Поѣзда ходятъ. Мой сынъ выведетъ васъ за домомъ на дорогу“.

Осторожно спустились внизъ, прошли черезъ дворъ кирпичнаго завода, чтобы выбраться незамѣченными. Локомотивъ пыхтѣлъ. Всего было пять пассажировъ, и насъ пустили въ видѣ особой милости, въ третій классъ. Легли на полъ на случай, если бы германцы вздумали стрѣлять. Вокругъ выкрикивали военныя извѣстія: „Берлинъ горитъ“, Большое пораженіе германцевъ и т. д.

Безпокойнѣе всѣхъ оказался желѣзнодорожный служащій съ багровымъ лицомъ. Онъ побывалъ въ Китаѣ и теперь, повидимому, наслаждался приключеніемъ и общимъ возбужденіемъ. Малодушныхъ, трусовъ поднималъ на смѣхъ, хвастался побѣдами бельгійцевъ, всячески старался поддержать бодрость духа и оживить общество. Ужъ онъ не сниметъ шляпы первый при встрѣчѣ съ германцами! Ни за что!

Проѣхавъ три мили, мы вдругъ стали. Машинистъ хотѣлъ ѣхать дальше—купить газету,—говорилъ онъ. Телеграфные провода оказались перерѣзанными, одна

изъ станцій лежащихъ выше въ рукахъ германцевъ. Рѣшено было идти по полотну, и мы весело двинулись впередъ, раздумывая, какъ бы намъ нанять повозку. На слѣдующей станціи Варемме, война дала себя знать. Собирались остатки бельгійской арміи: подъ наблюденіемъ маленькаго унтеръ-офицера съ воинственнымъ видомъ. Здѣсь было сраженіе. На время уличнаго боя германцевъ съ бельгійцами, мѣстнымъ жителямъ пришлось укрыться въ домахъ. Когда все стихло, они возобновили разговоръ на открытомъ воздухѣ. Былъ раненъ германскій принцъ: его перевязали и увезли на автомобилѣ.

Умилительное зрѣлище представляла группа изъ трехъ студентовъ-китайцевъ, слушателей университета въ Льежѣ, юношей дворянскаго происхожденія съ узкими руками и изысканными манерами. Они разсказывали намъ, жестко отчеканивая слова, со скромной восточной улыбкой на устахъ, что ихъ приняли за германскихъ шпіоновъ. Ни за какія деньги нельзя было нанять повозки: поселяне боялись, что непріятель захватитъ лошадей.

У меня былъ паспортъ, писанный языкомъ внушительнымъ и устарѣлымъ. Я снова пустился въ путь въ обществѣ молодого доктора, веселость и живость котораго представляли гораздо большія гарантіи, чѣмъ Красный Крестъ, красовавшійся у него на рукавѣ. Передъ нами по мосту черезъ полотно желѣзной дороги пронеслась группа всадниковъ; то былъ конный патруль непріятеля. Немного дальше оказался телеграфный столбъ съ перерѣзанными проводами: концы сиротливо свисали черезъ плетень. Старый стрѣлочникъ оказался свидѣтелемъ происше-

ствія. Пріѣхало четверо германцевъ на автомобилѣ— двое взобрались на столбъ съ ловкостью обезьяны и черезъ минуту всѣ провода были сорваны. Ему оставалось только дать знать о происшедшемъ на ближайшую станцію.

Паровозъ, подобравшій насъ по пути, подходилъ къ Ландену, бельгійской станціи, гдѣ движеніе совершалось правильно. Здѣсь было много раненыхъ, хромыхъ, утомленныхъ солдатъ въ загрязненныхъ мундирахъ, много бѣженцевъ. Поселяне съ узлами, цѣлыя семьи съ дѣтьми, заплаканныя женщины съ красными отъ слезъ глазами. Шли, заглядывая впередъ и плотно сжавъ губы, помогали другъ другу, выручали.

Большинство солдатъ получило увѣчья на передовыхъ позиціяхъ, послѣ жаркихъ боевъ. Гдѣ они были? Они сами не знали, называли деревню, о которой мы никогда не слыхали. Одинъ изъ нихъ утратилъ зрѣніе и способность рѣчи. Другой, съ виду совсѣмъ дитя, утверждалъ, что, если бы не подоспѣли французы, имъ пришлось бы сдаться. Ни какихъ признаковъ страха, ни унынія.

Въ Тирлемонѣ, на полпути между Льежемъ и Брюсселемъ, надо было пересѣсть на другой поѣздъ. Здѣсь стояла бельгійская дѣйствующая армія, бодрая, въ образцовомъ порядкѣ, совсѣмъ не похожая на тѣхъ усталыхъ, запыленныхъ солдатъ, которыхъ мы встрѣчали передъ тѣмъ. Длинная цѣпь автомобилей и обозовъ разныхъ формъ и цвѣтовъ перебрасывала транспорты. Впослѣдствіи эта армія отступила къ Антверпену, отбивая по пути атаки непріятеля. Надъ ней въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ летали аэро

планы; они могли видѣть и снимать малѣйшія детали.

Заплаканная итальянка, сидѣвшая передо мной оказалась женой извѣстнаго фламандскаго скульптора. Она сокрушалась о потерѣ имущества и сбереженій. Не слѣдуетъ такъ дорожить земными благами! Ея мужъ только что закончилъ статую извѣстнаго ученаго для Льежскаго университета. Кому теперь нужны статуи? Міръ обезумѣлъ, и безполезно размышлять о его безуміи. Казаки и японскіе моряки въ одной части свѣта, канадскія войска — въ другой, негры, тюркосы—все воюетъ, во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Развѣ есть еще слова? Пусть тѣ, кто не воюетъ, берется за свою работу. Ничего больше не остается.

Мы доѣхали до Лувена. Здѣсь намъ пришлось уступить купэ второго класса плѣннымъ германцамъ. Вошелъ высокій молодой уланъ, должно быть офицеръ: его молча разсматривала толпа. Вдругъ кондукторъ потребовалъ билеты. Мы удивились. Что это значитъ? Заплатимъ по пріѣздѣ.

Вокзалъ въ Брюсселѣ былъ оцѣпленъ гражданской милиціей. Безъ паспорта никого не впускали и не выпускали. У всѣхъ перевязи съ національными цвѣтами, — черный, желтый, красный. Надъ окнами флаги. Это ужъ не война, а только военное положеніе.

12-го Августа.

Что теперь дѣлать? Оставаться въ Брюсселѣ, который со дня на день можетъ быть занятъ германцами—городъ не защищенъ, не имѣетъ ни естественныхъ, ни искусственныхъ укрѣпленій,—или же пере-

бираться на нейтральную территорію. Городъ сдадутъ безъ боя и, надо полагать, безъ кровопролитія. Пока есть деньги и запасы, можно будетъ жить. Трудно сказать заранѣе, когда именно наступитъ кризисъ. Покинувшіе городъ, своимъ уходомъ смягчатъ нужду остающихся: уменьшится число ртовъ. Красный Крестъ не нуждался больше въ помощникахъ: въ его распоряженіи было все женское населеніе. Всякая другая полезная дѣятельность была закрыта для обывателя. Читать лекціи не удалось и въ Льежѣ, трудно было допустить, что въ Брюсселѣ посчастливится. До Лондона было рукой подать, туда какъ разъ отправляли дѣтей товарища. Лучше ужъ быть въ Лондонѣ, пока идетъ взаимная рѣзня всѣхъ этихъ улановъ, гусаръ, и прочихъ представителей европейской цивилизаціи. Тѣмъ, кому суждено пережить эти ужасы, увидятъ развалины и могилы; имъ предстоитъ попытаться вновь отстроить все то, что разрушено войной.

Пароходъ, переправившій насъ изъ Остенде въ Англію,—послѣдній клочекъ свободной родной земли, королевскій почтовый пароходъ съ національнымъ флагомъ,—мы такъ мало цѣнили его въ дни мира, а теперь, въ несчастіи, онъ внушаетъ намъ мужество. Дѣти играли на палубѣ, мы смотрѣли на открытое море. Не видно было нигдѣ парусовъ рыбачьихъ лодокъ, которыми оно всегда усѣяно. Всѣхъ рыбаковъ призвали въ дѣйствующую армію; остальные принуждены были сидѣть на берегу: голодъ былъ неизбѣженъ. Мы шли вдоль французскаго берега, опасаясь приближаться къ военному порту Дувра.

Передъ нами промелькнули одинъ за другимъ

хорошо знакомые бельгійскіе курорты; дѣти повторяли названія деревень, гдѣ они играли на пескахъ. Вотъ и Дюнкирхенъ, вотъ Кале. Французскіе буксиры спросили насъ чрезъ мегафоны:

„Видѣли вы военныя суда“? „Нѣтъ, не видѣли“ „Есть у васъ какія-нибудь новыя извѣстія о войнѣ?“ „Нѣтъ!“

Вскорѣ засвѣтились вечерніе огни, и изъ мглы начали вставать военныя суда. Тѣ изъ насъ, кто воображалъ, что умѣетъ различать ихъ по внѣшнему виду, называли намъ контръ-миноносцы, крейсера, миноноски.

Показалась Фолькстонская пристань.

Мы подходили къ берегу.

Послѣдней мыслью моей подъ бельгійскимъ флагомъ была мысль о моихъ ученикахъ студентахъ. Кто служитъ рядовымъ, кто убитъ и похороненъ, кто лежитъ раненый въ лазаретѣ, кто въ плѣну, а кто отстрѣливается въ Антверпенѣ, отражая атаки непріятеля.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ГЛАВА I.

Расположеніе страны.

СТРАН.

Рѣзкій контрастъ восточныхъ и западныхъ склоновъ (Арденскаго лѣса и Эсбэ). — Рѣка Маасъ ихъ естественный водораздѣлъ. — Скалистыя цѣпи восточныхъ холмовъ, простирающихся до самой Германіи; ихъ перерѣзаютъ вдоль и поперекъ долины рѣкъ Урта и Ведра, по коимъ совершается сплавъ товаровъ въ Германію.—Западное плато; плодородная жирная почва 5

ГЛАВА II.

Населеніе.

Валлоны — французы по языку, они приверженцы французской культуры — живой темпераментъ, жажда независимости, отвращеніе къ нѣмецкой чопорности и дисциплинѣ 12

ГЛАВА III.

Положеніе Льежа и его фортовъ.

Контрастъ густонаселенной долины, извѣстной своей промышленностью и зажиточностью, и голыми возвышенностями, надъ которыми поднимаются форты, доминирующіе надъ всѣми дорогами, ведущими къ городу 17

ГЛАВА IV.

Духъ Льежа.

СТРАН.

Пережитки національныхъ традицій восходятъ къ тому времени, когда Льежъ былъ центромъ духовнаго княжества. — Возрожденія мѣстныхъ валлонскихъ традицій, какъ реакція противъ усиленія значенія въ Бельгіи голландскаго языка 29

ГЛАВА V.

Приготовленія бельгійцевъ къ грядущимъ событіямъ.

Возведеніе фортовъ въ 1880 г.—Леопольдъ II и Бріальмонъ.—Усиленіе арміи: увеличеніе ея численности и достоинства.—Король Альбертъ.—Марокскій кризисъ и его вліяніе на государственныхъ дѣятелей и на народъ. 32

ГЛАВА VI.

Гроза надвигается.

Первая и вторая мобилизація въ Бельгіи. — Путешествіе по желѣзной дорогѣ.—Видъ Брюсселя и Льежа. — Требованія Германіи и отказъ Бельгіи. — Сообщеніе правительства періодической печати.—Настроеніе общества.—Бѣженцы изъ Германіи.—Бѣженцы изъ Франціи. — Финансовый кризисъ. — Банки и кредитные билеты.— Реквизиція лошадей и автомобилей въ Брюсселѣ. 39

ГЛАВА VII.

Осада Льежа.

Поединокъ Цепеллина съ фортомъ Баршонъ.—Солдаты — гражданская милиція и мирные граждане. — Автомобили. — Лихорадочныя пригото-

СТРАН.

вленія.—Добровольцы.—Пригонъ скота и снабженіе припасами.—Проволочныя загражденія и окопы вокругъ фортовъ.—Измѣненіе общаго вида мѣстности.—Слухи о прибытіи помощи отъ французовъ и англичанъ.—Тайна мѣстонахожденія англійскихъ войскъ 52

ГЛАВА VIII.

Двѣ бомбардировки.

Паника, ночь въ погребахъ.—Звукъ взрывающихся снарядовъ.—Результаты.—Сотня поврежденныхъ зданій.—Пожары—раненые, убитые, обезумѣвшіе отъ страха 68

ГЛАВА IX.

Капитуляція.

Отчаяніе вслѣдъ за мимолетными успѣхами и надеждами одолѣть врага.—Разоруженіе гражданской милиціи.—Отступленіе бельгійской арміи.—Германцы вступаютъ въ городъ.—Жизнь послѣ вступленія германцевъ 75

ГЛАВА X.

Германская оккупація.

Попытки оживленія торговли и примиренія мѣстнаго населенія.—Заложники.—Бесѣды съ германскими офицерами и солдатами.—Парадъ въ полдень передъ дворцомъ князя-епископа.—Попытка выбраться изъ города.—Проходъ черезъ цѣпь часовыхъ и укрѣпленія, воздвигнутыя германцами на случай нападенія бельгійцевъ.—Переходъ по полотну желѣзной дороги.—Остатки бельгійскихъ войскъ въ Варемме.—Бельгійская полевая армія подъ Тирлемономъ.—Возвращеніе въ Брюссель 86

ИЗДАНІЯ

„БИБЛІОТЕКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ“:

Грэвсъ А. К., ТАЙНЫ ГЕРМАНСКАГО ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА. (Записки б. нѣмецкаго шпіона). Цѣна **50** коп.

Профессоръ Шенвертъ: СПУТНИКЪ ПОЛЕВОГО ВРАЧА и СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ. Ц. **2** р.

Издательство принимаетъ на складъ и на комиссію всякія изданія, относящіяся къ Великой Войнѣ нашихъ дней, какъ то: книги и брошюры. карты, рисунки, открытыя письма и пр.—на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Складъ изданій **„Библіотеки Великой Войны“**

Петроградъ, Невскій пр., 60, кв. 11.

Изданія М. И. СЕМЕНОВА. Петроградъ.

М. Кузминъ. **Покойница въ домѣ.** 4-ая книга разсказовъ. Ц. 1 р. 25 к.

М. Кузминъ. **Глиняныя голубки.** 3-ья книга стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. **Плавающіе - Путешествующіе.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Юр. Юркунъ. **Шведскія перчатки.** Романъ съ пред. М. Кузмина. Ц. 1 р. 25 к.

Ю. Муромскій. **Пустыя души.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

М. Моравская. **Стихи о войнѣ.** Ц. 20 к.

Н. Шебуевъ. **Утѣха воина.** Сборникъ разсказовъ. Ц. 1 р.

Петроградскіе вечера. **Литерат. сборникъ.** Книга третья. Продолженіе „Петербургскихъ вечеровъ" по расширенной программѣ Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Стихи Рюрика Ивнева, М. Кузмина, Эльснера. Романъ Татіаны Краснопольской.— Надъ любовью. Разсказы: М. Кузмина—Шаръ на клумбѣ. Е. Нагродской. — Садрильона. Юр. Юркунъ.— Серебряное сердце. Статьи и библіогр. замѣтки М. Кузмина, Петра Отшельника, Бориса Садовского и др.

Марсельцы.

Феликсъ Гра. **Романъ въ 3 ч. Полный перев. Ч. I—Революція. Ц. 1 р.; ч. II—Терроръ. 2 р.; ч. III—Бѣлый терроръ. 1 р. 50 к.**

Сюжетомъ романа служитъ одинъ изъ самыхъ драматич. моментовъ человѣческой исторіи—эпоха великой франц. революціи. Романъ изображаетъ величайшей важности событія, вродѣ похода марсельскаго батальона на Парижъ, взятія королевскаго дворца, казни Людовика XVI и т. д.. и даетъ замѣч. вѣрную и объективную картину жизни народной массы въ это время; познакомиться съ этой картиной, пережить эту бурную эпоху вмѣстѣ съ мирными обывателями Франціи крайне полезно, даже необходимо людямъ всѣхъ лагерей, особенно намъ россіянамъ, которымъ предстоитъ еще много всевозможныхъ пертрубацій... Языкъ автора—яркій, образный, несмотря на эпическое чисто Гомеровское спокойствіе, съ которымъ онъ ведетъ свой захватывающій разсказъ... Каждая часть романа представляетъ собой нѣчто цѣлое и законченное и можетъ быть прочитана независимо отъ другихъ частей.

Исповѣдь простого человѣка.

Гильоменъ. **Романъ. Перев. съ франц. А. Чеботаревской. Изд. 2-е. 1912 г.**

Ц. 1 руб. 25 коп.

Изъ отзывовъ печати:

Изложеніе „Исповѣди" въ высокой степени простое и безыскусственное. Книга читается легко и съ интересомъ.

Разсказы.

Гольдебаевъ, А. **Томъ III.**

Ц. 1 р.

Содержаніе: Зять Максимовыхъ-Зарайскій. Исключается изъ списковъ. Крантъ. По Брачной Газетѣ. Путь къ нашему счастью Раба. Чужестранный цвѣтокъ. Гномы. Жизнь.

Изъ отзывовъ печати:

Первый томъ разсказовъ Гольдебаева былъ изданъ книгоиздательствомъ „Знаніе" и выходъ книжки былъ своевременно отмѣченъ критикой Разсказы Гольдебаева отличаются интересной фабулой и той, присущей автору яркостью и колоритностью красокъ, которыми онъ рисуетъ своихъ героевъ. Книжка разсказовъ прочтется съ удовольствіемъ.

„Вѣчер. Утро".

Гибель Земли.

Рони-Старшій.

Романъ. Перев. съ фр. В. Керженцева. Въ художественной обложкѣ. Ц. 60 к.

Изъ отзывовъ печати:

...Большой интересъ благодаря не только фантастической фабулѣ, касающейся грядущей судьбы нашей планеты, но и яркому художественному изложенію, испытываетъ читатель при чтеніи книги Рони-Старшаго „Гибель Земли“. („В. Рѣчь“).

Мари Клеръ.

Маргарита Оду.

Романъ. Перев. съ фр. Друзей, съ предисловіемъ Октава Мирбо.

Отзывы о книгѣ: Ц. 80 к.

„Читайте „Мари Клеръ“, и когда вы прочтете ее, спросите себя безъ желанія оскорбить кого-либо: кто изъ нашихъ писателей—я говорю о самыхъ знаменитыхъ—могъ бы написать такую книгу, съ такой непогрѣшимой мѣрой, съ такой лучезарной чистотой и величіемъ.

Октавъ Мирбо.

Изъ каменнаго вѣка.

Уэллсъ.

Повѣсть изъ жизни доисторическихъ народовъ. Перев. съ англ. Николая Морозова.

Ц. 60 к.

Изъ отзывовъ печати:

Эту книгу могутъ съ удовольствіемъ прочесть, даже взрослые юноши и притомъ съ такимъ же захватывающимъ интересомъ, какъ произведенія Купера или Майнъ-Рида.

„Куб. Край“.

Приключенія Тартарена.

А. Доде.

Перев. съ франц. съ многоч. иллюстр. въ изящн. обложкѣ.

Ц. 50 к.

„Тартаренъ изъ Тараскона“ является однимъ изъ шедевровъ Доде и не нуждается въ рекомендаціи. Эта книга всегда была и будетъ излюбленной книгой не только для взрослыхъ, но и для дѣтей старшаго возраста. Издана книга очень прилично.

Изданія М. И. СЕМЕНОВА. С.-Петербургъ.

Петербургскіе вечера.

Литер. сборникъ.

Книга первая.

Ц. 1 р.

Содержаніе: А. Рьевскій, Сердце женщины. Е. Нагродская. Романическое приключеніе. П. Ширяевъ. Лѣсная тайна. М. Шимкевичъ. Въ поляхъ снѣжныхъ. В. Сысоевъ. Смерть Половинки.

Петербургскіе вечера.

Литературный сборникъ.

Книга вторая.

Ц. 1 р.

Содержаніе: Е. Нагродская. Сны. М. Кузминъ. Капитанскіе часы. Ю. Слезкинъ. Красная кофточка. Я. Вассерманъ. Лукардія.

Ш.-Л. Филиппъ. На днѣ Парижа.

Содержаніе: Бюбю съ Монпарнаса. Ром. изъ жизни парижскихъ проститутокъ. Шарль Бланшаръ. Повѣсть. Перев. съ франц. А. Педашенко и В. Констанса съ предисл. М. Ц. Пуансо и воспоминаніями объ авторѣ Маргариты Оду, написанными спец. для русск. изданія. Изд. 2-е 1912 года. Ц. 1 руб.

Изъ отзывовъ печати:

— Его художеств. произведенія, воплотившія въ себѣ, какъ ни у одного изъ его современниковъ, все богатство народныхъ эмоцій и страданій, нашли себѣ достойную оцѣнку и переизданы нѣсколько десятковъ разъ... Многія произведенія Филиппа являются шедеврами французской литературы...

„С. Утро".

Рони-Старшій.

Борьба за огонь.

Доисторическій романъ въ 3-хъ част. Авторизованный перев. съ рукописи, съ предисл. автора и вступит. статьей М. Ц. Пуансо. Изд. 2-ое съ илл. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати:

Новый романъ Рони написанъ увлекательно. Свѣжесть человѣческой психики, смутное, но красивое зарожденіе эмоцій грядущихъ вѣковъ,—со всѣмъ этимъ познакомиться и художественно пережить ихъ весьма не лишне въ наше „усталое" время, при нашей бѣдности по части бодрыхъ настроеній и цѣлостныхъ переживаній.

(„Совр. Слово")

Ц. 50 к.

Библіотека Великой Войны.

Проф. **Шенвертъ:**

Спутникъ полевого врача и сестры милосердія съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева.

Грэвсъ:

Тайны германскаго военнаго министерства.

Бельгійская сѣрая книга.

(сборникъ дипломатическихъ документовъ).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Невскій проспектъ № 60, кв. 11.

Обложка печ. въ типографіи „ВИКТОРІЯ“ Знаменская ул. 17. Тел. 32-48.